

Евгения и Антон
ГРАНОВСКИЕ

ОТЕЛЬ
НА КРАЮ НОЧИ

Евгения Грановская
Антон Грановский
Отель на краю ночи
Серия «Марго Ленская и
дьякон Андрей Берсенев»
Серия «Под завесой
мистических тайн», книга 4

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6725030
Отель на краю ночи : роман / Евгения и Антон Грановские: Эксмо;
Москва; 2014
ISBN 978-5-699-69188-3

Аннотация

Анна тяжело переживала развод и решила поехать в новый отель на побережье, чтобы залечить душевные раны. Даже хорошо, что сезон уже закончился и море холодное – сейчас Анна была рада одиночеству. Встреча с Егором стала для нее яркой вспышкой, позволившей вырваться из плена прошлого. Но она не знала истинной цели приезда Егора в отель «Медуза»...

К частному детективу Егору Кореневу обратился бизнесмен с просьбой найти своего родственника, несколько месяцев назад

бесследно пропавшего в отеле «Медуза». На первый взгляд Егор не обнаружил там ничего странного или необычного, пока полотер не сказал ему, что это место проклято и никто не останется в живых. Егор не поверил бы словам старика, если бы постояльцам отеля не начали являться призраки...

Содержание

Пролог	7
Глава 1	12
Глава 2	89
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Антон Грановский, Евгения Грановская Отель на краю ночи

© Грановская Е., Грановский А., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

*Там на заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой...*

А. Пушкин

*Сыплются кости наши в челюсти преисподней.
Пс. 140:7*

Пролог

Двадцатишестилетний бизнесмен Виктор Лемох бежал по ночному парку, часто оглядываясь. Страсть, ревность, желание власти и жажда мести – все это ничто в сравнении с чувством, которое заставляло Виктора нестись не чуя ног.

Сердце бешено колотилось в ушах. Из груди Виктора вырывался тяжелый хрип. Но он продолжал бежать. Когда оборачивался, то не видел ничего, кроме темной стены деревьев, но иногда боковым зрением замечал некую черную тень, стремительно скользящую по аллее.

И Виктор мчался дальше, сквозь заросли кустов, не разбирая дороги и не видя перед собой ничего, кроме густой, холодной тьмы. Он хотел жить.

В какой-то момент ему показалось, что он оторвался от преследователя. Из горла вырвался ликующий возглас. До отеля, белый фасад которого медленно выплыл из темноты, оставалось всего метров двести. Последний рывок, и Виктор будет спасен. Главное – продержаться, не упасть, не дать слабину!

И Виктор рванул. Теперь он ничего не слышал, кроме стука собственного сердца. Хрипел, задыхаясь, хватая воздух широко открытым ртом. Ничего, он выдержит! Главное – добежать до отеля! А он сумеет! Обязательно сумеет!

Виктор поверил в успех. Он не собирался умирать. Ко-

гда-нибудь, через тридцать или сорок лет, но не сейчас!..

Вдруг, когда от освещенной площадки Виктора отделяли какие-нибудь пятьдесят метров, что-то произошло. В первое мгновение Виктор даже не понял, что именно. Отель просто взмыл в воздух и исчез из глаз. Все вокруг погрузилось во мрак, а потом Виктор услышал отвратительный хруст. Еще до того, как почувствовать боль, Виктор понял – хрустнула его собственная нога.

Все еще пребывая в шоке, он сел и огляделся. Мокрая грязь. Скользкие стены с торчащими корешками. Яма! Виктор попробовал приподняться, но закричал от пронзившей его боли. Его заколотила дрожь, глаза заслезились. Он с ужасом взглянул на свою левую голень. Из прорванной брючины торчала кость, похожая на острый сук, испачканный чем-то черным и вязким.

Реальность пошатнулась и стала медленно расплываться. Виктор понял, что теряет сознание. Величайшим усилием воли он заставил себя тряхнуть головой, затем зачерпнул со дна ямы холодную жижицу и бросил себе на лицо.

Боль была невыносимая, но сознания он не потерял. А значит, еще оставался шанс на спасение. Виктор поднял правую руку и ухватился пальцами за торчащий из мокрой стены длинный корень. Попробовал приподняться. Левую ногу дернуло, словно через нее пропустили ток. Сердце захолонуло в груди, из глаз брызнули слезы, но он и на этот раз сумел удержаться в реальности.

Нужно жить. Нужно выбираться из этого дьявольского места. Еще немного... Пальцы соскальзывали с упругих, крепких, мокрых корешков, но Виктор хватался снова. Стараясь не думать о торчащей из левой брючины кости, он встал на правую ногу и вытянулся в струну, стараясь дотянуться до края ямы.

Наверху раздался шорох. Виктор вскинул голову. Он успел заметить черную тень, заслонившую луну и звезды, а потом нечто тяжелое шлепнулось в яму у него за спиной. В следующую секунду он услышал глуховатое звериное рычание.

Виктор обернулся. Черная тень метнулась в сторону. И вновь – тихое рычание за спиной. Виктор дернул головой в сторону звука. Но зверь повторил свой маневр, в очередной раз забежав за спину, словно играя.

На голову Виктору посыпались мокрые комочки грязи. Он взглянул вверх и увидел высокую человеческую фигуру, стоящую у края ямы.

«Спасен!» – пронеслось в голове у Виктора.

– Помогите! – крикнул он дрогнувшим голосом, чувствуя, как глаза наполняются слезами радости. – Пожалуйста... помогите!

Однако человек наверху не двинулся с места. Что-то тяжелое ударило Виктора в спину. Он упал на живот и закричал от боли в ноге, но тут же попытался встать. Что-то лязгнуло у левого уха, затылок Виктора обдало смрадным дыха-

нием, а в следующее мгновение желтые клыки твари вонзились в шею, разрывая кожу и мясо.

Боль была страшная. Голова закружилась. По груди и спине побежало обжигающе горячее и липкое. Виктор перевернулся на бок и попробовал оттолкнуть от себя чудовище. Но руки уже не подчинялись ему.

Тварь сжала челюсти, хрустнув шейными позвонками Виктора. Он обратил свой взгляд на небо. Он рассчитывал увидеть звезды, но их закрыли обрывки облаков, похожие на белесые разводы извести. Тварь, нагнув большую черную голову, принялась с жадностью лакать кровь. Но мужской голос сверху тихо окликнул ее, и собака, а это была собака – большая, с черной, свалявшейся шерстью, – нехотя отвернула морду и одним мощным прыжком выпрыгнула из ямы.

Мужчина протянул руку и потрепал пса по холке. Затем присел на корточки и, даже не взглянув на лежавшего на дне ямы человека, принялся засыпать ее землей.

Виктор был еще жив, когда комок мокрой земли попал ему на лицо. Еще один разбился о его грудь. Он уже не чувствовал боли, а только ужас, тоску и отчаяние. Отчаяние человека, которого закапывают живьем.

А земля все сыпалась и сыпалась. Мир стал угасать, медленно, как свет в кинозале перед началом сеанса. Последним, что увидел Виктор, был черный силуэт незнакомца, склонившийся над ямой, и луну, кровавым нимбом сиявшую вокруг его головы.

«Конец!» – пронеслось в голове, а в следующее мгновение жизнь покинула тело.

Мужчина наверху двигался размеренно и неустанно... Пять минут... десять... двадцать... Когда яма была засыпана, мужчина выпрямился и утрамбовал ее ногами. В движениях его не чувствовалось никакого утомления.

Забросав могилу листьями и ветками, мужчина подозвал к себе пса и неторопливо зашагал по мокрой траве парка в сторону леса, все дальше и дальше углубляясь в черные, беспросветные дебри, туда, где много лет не ступала нога человека и откуда веяло холодном и затхлостью.

Глава 1

Прибытие

1

Егор Коренев открыл дверь и ввалился в приемную. Вика, помощница Коренева, вскинула белокурую головку от компьютерной клавиатуры и насмешливо посмотрела поверх очков в позолоченной оправе.

– Опаздываешь, – с упреком сказала она. – Клиент уже десять минут ждет.

Егор стянул плащ, швырнул его на вешалку и небрежно произнес:

– Ничего, не заплесневеет.

Коренев был долговяз и худощав. Твердая линия губ, глубоко посаженные, насмешливые глаза и сигарета в углу рта придавали ему сходство с героями американских боевиков. Дело портил только слишком узкий подбородок. Темные непослушные волосы Егора слегка вились, и, дабы избавиться себя от ежедневной возни, он стриг их коротко.

Коренев был в добротном, но сильно поношенном пиджаке и голубой рубашке. Галстук съехал набок, верхняя пуговка на рубашке расстегнулась, выставив на обозрение кады-

кастую, смуглую шею.

Порывистый и резкий, он напоминал Вике добермана или пса гончей породы.

Одевался Егор небрежно и, в общем-то, во что попало. Только две вещи были неизменны: щеки и подбородок Егора гладко выбриты, а от волос и шеи исходил аромат дорогого одеколona. Любовь к хорошему парфюму была единственной брешью в стене аскетизма, которой (в целях экономии времени) обнес свою жизнь Егор Коренев.

Вика осмотрела Егора с ног до головы и вздохнула. Затем встала из-за стола, подошла к нему вплотную и привычным движением поправила съехавший в сторону галстук.

– Егор, будь с ним повежливее, – попросила она. – Клиент солидный и денежный.

– Это у него на лбу написано?

– Что?

– Что он денежный?

Вика усмехнулась:

– На лацкане пиджака. Между прочим – от «Пола Смита».

– Секонд-хенд? – приподнял бровь Егор.

Вика ساختроила мину:

– Очень смешно. – Она незаметно втянула ноздрями аромат дорогого парфюма, смешанный с запахом крепкого табака, и слегка поежилась. Этот запах всегда заставлял ее сердце биться чуточку быстрее, чем было положено секретарше при встрече со своим боссом.

– Когда будешь с ним говорить, вспомни, что ты до сих пор не заплатил мне премиальные за дело Скворцова.

– Говорить с начальником о деньгах – пошлость, – назидательно сказал Егор.

– Правда? А таскать у меня кофе из тумбочки – не пошлость? С твоими аппетитами банка в два дня улетает.

– Не жадничай. – Егор обнял Вику левой рукой за талию и чмокнул ее в пухлую щечку. – Ты лучшая! – объявил он.

Вика нахмурилась, оттолкнула от себя Егора и проговорила с напускной строгостью:

– Веревки из меня вьешь. Кофе сделать?

– Угу. Мне покрепче, а клиенту...

– Он уже две чашки выпил, пока тебя ждал, – сказала Вика. – Топай в кабинет, пока этот тип не убежал в другое агентство.

Егор достал из кармана пиджака пачку «Кэмела» и, на ходу вытряхивая сигарету, зашагал к двери.

Когда он вошел в кабинет, клиент сидел в кресле и листал журнал. Это был невысокий, полный лысоватый мужчина. На вид ему было лет сорок пять или чуть больше. Завидев Коренева, посетитель положил журнал на столик и сказал:

– А, наконец-то.

– Добрый день! – поприветствовал его Егор, подходя к креслу.

Пожимая Кореневу руку, посетитель чуть приподнял с кресла объемистый зад.

– Моя фамилия Лемох, – представился он. – Я вам звонил два часа назад.

– Да, помню.

Егор сел в кресло у стола и сунул в рот сигарету. Лемох посмотрел, как он прикуривает от металлической зажигалки, и изрек:

– Я жду уже десять минут.

Егор убрал зажигалку в карман.

– Я сказал, что жду уже десять минут, – повторил посетитель.

– Да, я слышал. В смысле – прошу прощения, что заставил вас ждать. Давайте сразу перейдем к делу. По телефону вы сказали, что хотите найти пропавшего родственника.

– Совершенно верно.

– Как давно он пропал?

На толстом лице Лемоха появилось скорбное выражение.

– Около четырех месяцев назад, – сказал он и вздохнул.

Егор глянул на него сквозь облако дыма и уточнил:

– Как это произошло?

– Виктор... Его зовут Виктор... Поехал к морю, чтобы поправить здоровье.

– Он болел?

Толстяк усмехнулся и покачал головой:

– Нет. Но необходимость поправить здоровье может возникнуть и у совершенно здорового человека, вы не находите?

Егор «не находил», но предпочел не дискутировать, лишь сделал нетерпеливый жест рукой – продолжайте, мол.

– У Виктора строительная фирма. Дела идут довольно успешно, но богачом его назвать, конечно, нельзя.

Лемох кашлянул в белый кулак, покрытый рыжеватыми волосками, и продолжил:

– Четыре месяца назад он поехал к морю и поселился в маленьком отеле под названием «Медуза». Довольно претенциозное название, не правда ли?

Посчитав этот вопрос риторическим, Егор не счел нужным на него отвечать. Посетитель, впрочем, и не ждал ответа.

– Отель только что открылся, – рассказывал он, – и по этой причине номера в нем стоили относительно дешево. К тому же в комплекс предоставляемых услуг входили радоновые ванны.

Тут Лемох прервался, чтобы достать из кармана платок. Отер потный лоб, спрятал платок в карман и продолжил:

– На четвертый день пребывания в отеле, вечером, Виктор вышел прогуляться в парк.

– Там есть парк?

– Да. И довольно большой. Парк граничит с лесом. Собственно, когда-то он и был частью леса, но хозяин отеля взял кусок земли в аренду и обнес ее железной оградой.

Егор задумчиво перекатил сигарету из одного угла губ в другой.

– Вы сказали, что Виктор вышел прогуляться «вечером». На улице было уже темно?

– О да, – с непонятной улыбкой ответил посетитель. – На часах было около одиннадцати, а в начале мае на море темнеет рано.

– Не лучшее время для прогулок, – заметил Коренев, с хмурой рассеянностью поглядывая на посетителя. Для себя он уже решил, что не возьмется за это дело. Шансов найти человека, пропавшего четыре месяца назад, не больше, чем отыскать на темной улице оторванную пуговицу. Если Егор до сих пор не выпроводил посетителя из кабинета, то исключительно из вежливости. С тех пор, как дела агентства пошли под откос, Егор тщательно заботился о репутации и никогда не позволял себе хамить клиенту, каким бы законченным идиотом тот ни был.

– Парк был хорошо освещен? – поинтересовался он без особого, впрочем, энтузиазма.

– Там есть фонари, – ответил толстяк. – Но иногда они гаснут.

– Почему?

– Из-за огрехов, допущенных при строительстве. Инвесторы спешили открыть отель к началу сезона. А в спешке, сами понимаете, никак не обойтись без недоделок.

Егор пыхнул дымом и кивнул:

– Ясно. Вы сказали, что парк граничит с лесом. Ваш Виктор мог сбиться с пути и затеряться в лесу.

– Не думаю. Я уже сказал вам, что парк обнесен железной оградой.

– Ах, да, – кивнул Егор. Он выпустил изо рта несколько ровных колечек дыма и посмотрел, как они расплываются в воздухе. – Надо полагать, после исчезновения Виктора милиция хорошенько прочесала парк и лес?

– Разумеется, – с усмешкой сказал Лемох.

Егор подумал, что улыбка здесь не слишком уместна, но озвучивать свои мысли не стал.

– И каковы результаты? – поинтересовался он.

– Они ничего не нашли.

Егор кивнул:

– Ну, это как водится.

Корнев незаметно покосился на упитанную, гладко выбритую физиономию посетителя и подумал, как было бы приятно взять этого самоуверенного олуха за шиворот и вышвырнуть из кабинета.

Посетитель, в свою очередь, вперил в Егора маленькие, глубоко посаженные глаза и слегка прищурился.

– Вам ведь не очень интересно все, что я говорю? – спросил он вдруг.

Егор и глазом не моргнул.

– Слушать посетителей – часть моей работы, – спокойно ответил он.

– Но вы ведь уже решили, что не будете браться за эту работу, разве не так?

«Проницательный, черт», – подумал Егор. А вслух сказал:

– Я предпочитаю внимательно выслушать собеседника, прежде чем сделать окончательный вывод.

– Возможно, – кивнул посетитель. – Но в моем случае вы поступили ровно наоборот. Впрочем, я не сержусь. Искать человека спустя четыре месяца после исчезновения – труд неблагодарный. Редко кто из частных детективов готов за это взяться.

Егор вновь почувствовал непреодолимое желание схватить толстяка за шиворот, протащить до двери и дать ему хорошего пинка под зад.

Посетитель внимательно взгляделся в лицо Коренева и вдруг засмеялся. Смех у него был тихий и мягкий, как звон колокольчика.

– Честное слово, вы мне нравитесь! – сказал он, снова доставая из кармана платок и смахивая с глаз выступившие от смеха слезы.

Егор, глядя на толстяка исподлобья, стал угрожающе подниматься с кресла.

– Ну-ну-ну, – примирительно сказал посетитель. – Не злитесь. Меня рассмешили не вы, а мое собственное положение. Я, видите ли, привык к тому, что подчиненные ловят каждое мое слово. А здесь... Здесь я вынужден играть роль обыкновенного просителя. Ничего не поделаешь, вы – хозяин. И до тех пор, пока я не стал клиентом, можете усмехаться мне в лицо.

Егор молчал. Странное поведение Лемоха немного сбилось на него с толку. Он по-прежнему горел желанием выставить неприятного посетителя из кабинета, но уже не считал это лучшим выходом из положения.

И тут толстяк заговорил снова:

– Послушайте... – Он немного подался вперед, словно хотел быть уверен, что каждое сказанное им слово достигнет ушей Егора. – Милиция давно прекратила поиски, поэтому вы для меня – последняя инстанция. Я не жду от вас чудес. Но если вы возьметесь за это дело и доведете его до конца, моя благодарность не будет иметь границ.

Серые глаза Егора замерцали, как у кота, увидевшего, как хозяйка ставит на стол тарелочку с маслом.

Толстяк, не сводя с Егора внимательного взгляда, облизнул губы кончиком языка.

– Ну так как? – спросил он.

– Вы должны понимать, что вашего родственника, скорее всего, уже нет в живых, – сказал Егор.

– О, я это понимаю, – кивнул толстяк. – Я реально оцениваю ситуацию. Но если он мертв – подтвердите это. Найдите его тело. Ну, или то, что от него осталось.

Корнев нахмурился. Энтузиазм и благодушный тон Лемоха вновь показались ему неуместными. Он прищурил серые, колючие глаза и сухо осведомился:

– Моя помощница сказала вам, сколько я беру за работу?

– Да, – кивнул толстяк. – И я с удовольствием удвою ваш

гонорар.

– Плюс командировочные...

– Ваша секретарша сказала и об этом, – вновь кивнул толстяк.

– Плюс расходы на бензин...

– Это само собой. Господин Коренев, не беспокойтесь насчет денег. Помимо гонорара я заплачу премиальные. Но лишь в том случае, если работа увенчается успехом.

Коренев задумался.

– Ну же, соглашайтесь, – поторопил его Лемох. – Это отличное предложение.

Коренев пристально посмотрел ему в глаза и снова отвел взгляд. Дело по-прежнему казалось ему совершенно безнадежным, однако клиент платил щедро, и со стороны Егора было бы величайшей глупостью отказаться от таких денег.

Лемох поднял руку и взглянул на часы, впервые за время разговора начиная проявлять признаки нетерпения.

– Господин Коренев, – опять заговорил он, – я слышал о вашей щепетильности. Вернее, о полном ее отсутствии. У вас репутация человека, который готов отрезать себе ногу, если кто-то предложит за нее хорошие деньги.

Егор прищурился.

– Вижу, вы не церемонитесь, – заметил он. Затем вмял окуроч в пепельницу, снова взглянул на посетителя и улыбнулся улыбкой, больше похожей на волчий оскал. – Я возьмусь за это дело, – сказал он. – Сейчас мы подпишем дого-

вор, и вы заплатите мне аванс. А завтра утром... – Он встал в рот новую сигарету и щелкнул зажигалкой. – Завтра утром я отправлюсь в ваш чертов отель.

2

Анна Умнова откинула со лба каштановую челку и взглянула на себя в зеркало. Для своих тридцати двух она выглядела довольно неплохо. По крайней мере, намного лучше, чем полгода назад.

Анна чуть прищурила глаза и усмехнулась. Она заплатила слишком большую цену за право усмехаться, глядя в глаза собственному отражению.

Отсутствие косметики совсем не портило ее худощавое лицо. Золотисто-карие глаза смотрели на мир спокойно и насмешливо, и лишь изредка в них вспыхивали дьявольские искорки – все, что осталось от бушевавшего когда-то огня. Того, который едва не довел ее до сумасшествия.

– Аня, – снова забормотал из телефонной трубки голос матери. – Ты уверена, что хорошо себя чувствуешь?

– Да, мам. Я совершенно здорова.

– Это несерьезно, – с упреком проговорила мать.

– Ну, почти, – неохотно поправилась Анна. – Мам, честное слово, мне уже намного лучше.

– Но ты должна была провести в клинике еще две недели!

Анна раздраженно наморщила нос, как делала всегда, ко-

гда вынуждена была выслушивать наставления.

– Я пошла на поправку быстрее, чем они рассчитывали, – сказала она, стараясь держать себя в руках. – Ты должна радоваться, мам.

– Я радуюсь. Но, Анечка, ты же знаешь, речь идет не только о тебе, но и о твоём сыне.

По лицу Анны пробежала тень.

– Зачем ты мне об этом говоришь? – сухо произнесла она. – Ты думаешь, я о нем не думаю? За последние полгода не было и минуты, чтобы я не думала о Ваньке! Ведь он наверняка спрашивал обо мне? Что ты ему сказала?

– Аня, не веди себя как обиженный ребенок.

– А ты не говори со мной в таком тоне! Я здорова, понятно? Вместо кофе – зеленый чай, вместо таблеток – витамины! Это твоя формула, и я следую ей уже три недели!

Анна прервала свой яростный монолог, удивленно взглянула на свое отражение в зеркале и с усилием потерла пальцами лоб.

– Черт, – пробормотала она. – Прости, я что-то...

– Теперь ты понимаешь, о чем я говорю? – холодно поинтересовалась мать. И отчеканила: – Тебе рано встречаться с сыном. Если у тебя снова случится срыв, он...

– Мам, я вылечилась. Хочешь – приезжай и обыщи мою квартиру. Ты не найдешь ни одной таблетки. Я даже валиум не пью. Сплю по ночам как младенец.

– Этого мало.

– Мало? – вскинула брови Анна.

Мать вздохнула.

– После того, что ты сделала...

– Мама, не надо. – Анна взяла себя в руки. – Я не единственный человек в мире, пытавшийся покончить с собой.

– Аня, послушай меня спокойно. Я узнавала у врачей. Они говорят, что тебе нужно отдохнуть пару недель в хорошем пансионате. Пройти курс радонотерапии. Ты должна окончательно встать на ноги, понимаешь? Я нашла в журнале рекламу одного отеля. Если хочешь, я пришлю тебе факс.

– Мам, я не...

– Милая, сделай так, как я говорю.

– Но я не хочу никуда ехать!

– Речь идет не только о тебе. Сама знаешь, что опекунский совет прислушивается к моему мнению. А я не могу отдать тебе внука, пока не уверена, что ты в полном порядке.

Анна крепко стиснула трубку.

– Это похоже на шантаж, – сказала она.

– Глупости. Я просто хочу, чтобы ты хорошенько отдохнула. Последняя книга высосала из тебя все соки. – Мать замолчала, ожидая, что Анна что-то скажет, но та не проронила ни слова. – Аня, – снова заговорила мать, – это очень хороший отель. На самом берегу моря. Радоновые ванны, морской воздух... Тебе понравится. Отдохни, развейся. Ты прошла через ад и должна понимать это.

По лицу Анны пробежала тень. Она стиснула в пальцах

телефонную трубку и глухо проговорила:

– Мам, если я поеду в этот чертов отель, ты дашь мне встретиться с Ванькой?

– Конечно. Сразу же, как только ты вернешься.

Анна вытерла ладонью выступившие на глазах слезы.

– Хорошо, я поеду.

– Умница! Анюта, я бы не хотела, чтобы ты...

– Дай мне поговорить с сыном.

Повисла пауза.

– Не думаю, что это хорошая иде...

– Дай мне поговорить с сыном, – повторила Анна.

– Хорошо, – выдохнула мать после паузы. – Ваня! Ваня, иди поговори с мамой!

Услышав голос сына, Анна почувствовала, что задыхается от волнения.

– Мама, привет! Я по тебе соскучился!

– Я тоже! Я...

– Когда ты к нам приедешь?

– Недели через две.

– Мама, но это так долго!

Анна стиснула телефонную трубку.

– Ничего не поделаешь. Обещай, что будешь вести себя хорошо и слушаться бабушку.

– Обещаю!

– Ну, все, хватит, – услышала Анна суровый голос матери. – Попрощайся с мамой!

– Мама, пока! Приезжай скорее, ладно?

– Ладно. Ваня, я...

Связь оборвалась, послышались короткие гудки. Анна еще с полминуты держала трубку возле уха, словно оцепенела, затем брякнула на рычаг и уставилась в окно невидящим взглядом. В душе снова поднималась та самая пустота, которая полтора месяца назад едва не поглотила ее.

Рядом что-то шелкнуло и тихо зажужжало. Анна взглянула на телефонный аппарат. Из щели факса медленно выполз листок бумаги. Анна взяла его и растерянно взглянула на картинку. На листке был изображен трехэтажный особнячок, стоящий на берегу моря. Чуть левее особняка начинался лес. Надпись под картинкой гласила:

ХОТИТЕ ПОПАСТЬ В РАЙ?

ПРИЕЗЖАЙТЕ В ОТЕЛЬ «МЕДУЗА»!

Разглядывая рисунок, Анна подумала, что в приглашении, несмотря на весь его бравурный тон, есть что-то зловещее. Впрочем, все это глупости. В конце концов, две недели у моря – лучше, чем полгода на больничной койке.

Анна протянула руку к телефону.

– Отель «Медуза»! – отозвался бодрый женский голос.

– Добрый день. – Анна снова посмотрела в окно. За ок-

ном начинался дождь. Оконное стекло уже было покрыто маленькими каплями, и число этих капель быстро росло. – Я хочу забронировать номер. Это возможно?

– Конечно! Будьте добры, назовите ваши имя и фамилию...

3

В реальности отель оказался больше, чем можно было судить по картинке на рекламном проспекте. Белое трехэтажное здание стояло на небольшом возвышении. Казалось, что оно парит над морем.

Выстроен отель был в классическом стиле и своими строгими формами напомнил Анне великолепный Ливадийский дворец, принадлежавший когда-то российской императорской семье. Конечно же, тут все было куда скромнее.

Почти от самых дверей начинался парк, который, судя по густоте, раньше являлся частью леса. Сейчас он был отделен от него высокой железной оградой. Настоящим украшением служили кипарисы, огромными темными стрелами нацеленные в облачное сентябрьское небо.

Анна сидела за небольшим круглым столиком на террасе кафе. Уходя в глубь здания, оно превращалось в роскошный ресторан – стоило лишь отодвинуть темные портьеры.

– Что-нибудь еще? – вежливо поинтересовался официант, склонившись к Анне.

Анна глянула в его водянистые глаза и усмехнулась.

– Вам не повезло, – сказала она весело. – Единственный посетитель, и тот сидит на диете.

– Я переживу, – ответил официант и, кивнув, удалился.

Анна взяла губами длинную тонкую сигарету, прикурила от пластиковой зажигалки и посмотрела, как чайка спикировала к рябой поверхности моря. Затем подняла глаза и, чуть прищурившись, взглянула на далекий маяк.

Анна подала знак официанту, молодому человеку, чья безликость сделала бы честь профессиональному шпиону, умеющему растворяться в толпе. Когда он подошел, поинтересовалась:

– Скажите, а сколько километров до того маяка?

– Километра три, – ответил официант, даже не посмотрев в сторону маяка.

– Он работает?

Официант покачал головой:

– Нет. Это очень старый маяк. Его собирались снести еще двадцать лет назад. Но потом в стране начались сложные времена, и всем стало не до маяка.

– Значит, он заброшен?

– Совершенно.

– Нужно будет прогуляться и посмотреть на него поближе.

Официант с сомнением покачал головой:

– Чтобы добраться, вам понадобится лодка.

– Почему?

– Мать рассказывала, что здешний пейзаж сильно изменился за последние полвека. Раньше туда можно было дойти берегом пешком. Но потом часть скал обрушилась, перегородив берег. Кроме того, образовался лиман. В жару он сильно мелеет, но никогда не высыхает совсем.

– Жаль.

Официант улыбнулся.

– Поверьте, там не на что смотреть. Да это и небезопасно. Маяк обветшал, может рухнуть в любую минуту.

– Ясно, – Анна улыбнулась в ответ. – Спасибо за информацию.

– Не за что.

Когда официант отошел, она снова задумчиво взглянула на далекий маяк.

Несколько минут спустя к бармену, седому мужчине, меланхолично натирающему тряпочкой чистые стаканы, подошел высокий, грузный мужчина в дорогом костюме.

У него были иссиня-черные, как вороново крыло, волосы, тронутые на висках сединой. На вид ему – пятьдесят с небольшим. В зубах дымилась трубка – черная, по виду жутко дорогая, с широким серебряным ободком у мундштука.

Анна не сразу заметила, что на руках у мужчины бежевые полотняные перчатки... Вероятно, он чрезмерно теплолюбив.

Бармен беседовал с женщиной с тем странным, полным достоинства и едва заметным заискиванием, с каким обычно

уважающие себя подчиненные общаются с начальством.

Сам же человек с трубкой держался поистине с королевским достоинством.

Анна, которой порядком надоело глазеть на бухту, усыпанную с двух сторон черными камнями, подозвала официанта.

– Можно мне еще чашку кофе?

– Конечно.

Официант хотел уйти, но Анна вновь его окликнула. Когда он повернулся, спросила, кивнув подбородком в сторону бара:

– Простите, а кто этот человек с трубкой?

– Рувим Иосифович Грач, – ответил официант.

Анна усмехнулась.

– Если вы думаете, что это имя о чем-то мне говорит, то глубоко ошибаетесь.

Официант понял свою ошибку и вежливо пояснил:

– Рувим Иосифович – хозяин нашего отеля.

– Вот оно что.

Анна внимательнее всмотрелась в лицо человека с трубкой. Должно быть, он почувствовал на себе взгляд и, повернув голову, тоже посмотрел на нее. Затем легонько кивнул ей и снова повернулся к бармену.

Официант хотел отойти от столика, но Анна тронула его за рукав.

– Скажите, – вновь заговорила она, – а с ним можно по-

беседовать?

Официант покосился на хозяина и тихо ответил:

– Не думаю. Рувим Иосифович не очень любит беседовать с постояльцами. Он вообще не слишком общителен.

– Ясно, – кивнула Анна. – Учту.

Официант отошел, однако не прошло и минуты, как снова появился возле столика. На этот раз он пришел не с пустыми руками. Анна посмотрела, как он ставит на стол серебряное ведерко с торчащим из него горлышком бутылки, и удивленно спросила:

– Что это?

– «Вдова Клико», – с вежливой улыбкой объяснил официант. – Подарок от Рувима Иосифовича. Как первому посетителю.

– Очень мило! – Анна вновь взглянула на Грача. Он стоял к Анне спиной и продолжал спокойно беседовать с барменом.

«Мог бы и повернуться», – подумала Анна недовольно. Официант собрался было уйти, но Анна остановила его.

– Извините, но я не пью шампанского, – сказала она. – Знаете что – возьмите бутылку себе.

По лицу официанта пробежала тень.

– Боюсь, это невозможно, – произнес он.

Анна посмотрела на его напряженное лицо и засмеялась.

– Вижу, ваш босс держит вас в ежовых рукавицах. Хотите, я сама попрошу у него разрешения?

– Не думаю, что это хорошая идея, – нахмурившись, проговорил официант.

Но Анна уже поднималась из-за стола. Он открыл рот, чтобы что-то добавить, но не успел – Анна быстрым шагом подошла к барной стойке. Остановившись возле мужчины с трубкой, она громко его окликнула:

– Простите, что отрываю вас от беседы.

Хозяин отеля обернулся. Лощеное, породистое, слегка надменное лицо. Окинув Анну быстрым, пронизательным взглядом, он вынул изо рта трубку и вежливо произнес:

– Да?..

Голос низкий и сочный, что-то среднее между баритоном и басом. Анна лучезарно ему улыбнулась.

– Меня зовут Анна Умнова. Я приехала полчаса назад.

Грач чуть прищурился.

– Я знаю, кто вы. Спасибо, что выбрали для отдыха наш отель.

И он снова повернулся к бармену. Анна опешила. Она ожидала чего угодно, но не такого изящного и вежливого «отлупа».

– Рувим Иосифович!

Хозяин отеля опять повернулся к Анне. От тяжелого, прямого взгляда пронзительных черных глаз Грача Анне стало слегка не по себе.

– Рувим Иосифович, я хотела поблагодарить вас за шампанское...

– Не стоит благодарности.

– Но дело в том, что я не пью шампанское.

– Вот как? – спокойно проговорил Грач и слегка прищурился. – Что же вы пьете?

– В данный момент ничего. Я бы хотела, чтобы эту бутылку передали персоналу. Надеюсь, вы не против?

Грач пожал плечами:

– Это ваша бутылка. Поступайте с ней как хотите. Приятного вам отдыха.

Грач сказал что-то бармену, затем зажал трубку зубами, повернулся и неторопливо зашагал к дверям отеля. Анна сердито посмотрела ему вслед. Она почему-то чувствовала себя обиженной.

Но, в сущности, какие претензии? Грач был вежлив и даже учтив. А то, что от всей этой учтивости обдавало холодком, так это правильно. Не будет же он общаться с незнакомой девушкой, как с родной сестрой.

К тому же еще неизвестно, как он обращается с сестрой. Может, кормит гусеницами и рисует у нее на лбу улыбающиеся мордочки.

Анна улыбнулась своим мыслям и вернулась к столику. Она вдруг подумала о бокале белого «Мартини» со льдом и оливкой, но тут же осадилась себя. Нет-нет, нельзя. Никакой выпивки. Нужно продержаться хотя бы первый день, а там будет видно. Только кофе и сигареты.

Белая «Ауди-А6» плавно скользила по горной дороге. На заднем сиденье, отделенном от водителя стеклянной перегородкой, расположилась, откинув на спинку голову со стильно уложенными волосами, Татьяна Михайловна Быстрова. Повернувшись к дочери, она властно проговорила:

– Будь так добра, достань из бара бутылочку джина. Пожилая женщина хочет выпить.

– Да, мама, – сказала дочь Быстровой, пятнадцатилетняя рыжеволосая Настя.

– «Да, мама», – с усмешкой передразнила Татьяна Михайловна. – Ты должна была сказать: «Что ты, мама, ты вовсе не пожилая!»

Настя молча подала матери джин. Отхлебнув, Татьяна Михайловна вздохнула.

– Ох, милая, если бы ты только знала, как мне надоел этот предвыборный балаган. Фальшивые улыбки, коровники, школы, вонючие цеха и отвратительные угольные шахты... Наконец-то я могу побыть сама собой.

Татьяна Михайловна вновь приложилась к бутылочке.

– Я хочу вернуться домой, – сказала вдруг Настя.

Татьяна Михайловна покачала головой:

– Нет.

– Но мне не нравится море. Я терпеть его не могу.

– Достаточно того, что оно нравится мне, – Татьяна Михайловна посмотрела на хмурое личико дочери и неожиданно смягчилась. – В конце концов, тебе это тоже не повредит. Скакать ночи напролет по ночным клубам вредно для здоровья.

– Я могу себе это позволить.

– Конечно. Но исключительно благодаря моим деньгам. Не забывай об этом.

– Даже если я забуду, ты мне напомнишь.

Татьяна Михайловна раздраженно посмотрела на дочь.

– Чтобы ты могла позволить себе ночные клубы и заграничные поездки, я всю жизнь тружусь с утра до позднего вечера, – сказала она. – А что сделала ты, чтобы заслужить все это?

– Родилась в нужное время и в нужном месте, – отчеканила Настя. И добавила уже более мягко: – Мама, прости, но я устала и не хочу об этом говорить.

Чтобы не продолжать дурацкий разговор, Настя закрыла глаза и притворилась спящей. Задремать по-настоящему не получилось. Вместо этого в голову полезли воспоминания.

Человек, которого две недели назад Настя встретила возле штаб-квартиры матери, был жалким, бедно одетым калекой в инвалидной коляске. Худые небритые щеки, воспаленные глаза. И вонь изо рта... Просто ужасающая вонь. Метнув на нее цепкий взгляд, калека поинтересовался:

– Ты здесь работаешь?

Настя посмотрела на инвалида с любопытством и кивнула:

– Да.

– Кем?

– Курьером. «Поддай-принеси». А что?

Калека дунул в патрон «беломорины» и сунул ее в рот.

– Знаешь Быстрову?

– Да. Видела пару раз.

– Редкостная гадина.

Слова эти больно резанули Настю по сердцу. В лицо жаркой волной ударила ярость. Насте захотелось вlepить инвалиду пощечину, повалить его на землю, пнуть ногой... Но мать всегда учила ее сдерживать эмоции. «Никогда не поступай как те идиоты, которые сначала делают, а потом думают. Горячие головы никогда ничего не добиваются в жизни».

– Эта тетка – настоящая стерва, – продолжил инвалид, пыхтя папиросой. – Уработала хорошую женщину. Ну, ничего. Помнишь, как у Лермонтова? «Есть и Божий суд! Он не подвластен звону злата!» Вот на этом суде с нее спросится.

– А кого это она «уработала»? – угрюмо спросила Настя.

– Лидию Николаевну Ракольскую из комитета солдатских матерей. Довела бедную женщину до инсульта.

– А Быстрова тут при чем?

– При чем? – Калека окинул ее насмешливо-презрительным взглядом. – Ты что, с луны свалилась? Быстрова ее заравила. От конкурентки по выборам избавилась. Это с ее

подачи весь город говорит о том, что Ракольская использует смерть сына в своих корыстных целях.

– А может быть, так и есть, – предположила Настя.

Калека хмыкнул.

– «Так и есть», – передразнил он. – Да ты знаешь... Да Лидия Николаевна, она... Я жив только благодаря ей, поняла?

Настя не в первый раз слышала гадости о своей матери и привыкла им не доверять.

– Это все слухи, – уверенно сказала она. – Быстрова здесь ни при чем. Я хорошо ее знаю. Она на такое не способна.

Калека усмехнулся:

– Слухи, говоришь? Да я сам видел, как ее помощник студентиков с листовками по городу развозил! Ночью клеили, гады, чтоб никто не видел. О, помяни черта, он и появится!

От крыльца быстрой походкой приближался помощник матери Макс.

– Эй! – гаркнул он на калеку. – А ну, пошел отсюда! Катись, кому сказал!

– Качусь, качусь. – Инвалид сплюнул Максу под ноги и развернул инвалидную коляску. – Все вы сдохнете, – сказал он, не оборачиваясь. – И ты, и Быстрова! Сгинете, и даже могилы после себя не оставите!

– Охрана! – завопил Макс.

Завидев приближающихся охранников, калека резво покати́л прочь.

– Сдохнете! – крикнул он, выезжая с автостоянки. – Все!

Коляска инвалида скрылась за деревьями сквера, и Настя повернулась к Макс. Подтянутый и спортивный, он возвышался над Настей на целую голову.

– Макс, что это он говорил о моей матери? – спросила Настя, прищурив изумрудно-зеленые глаза.

– А что? – без всякого интереса осведомился Макс.

– Он обозвал ее стервой.

– И замечательно! – весело проговорил Макс. – Что плохого, если женщина стерва? Мужчины любят стерв, ты же знаешь.

– Но он сказал, что она довела какую-то женщину до инсульта.

– Кто? Татьяна Михайловна? – Макс усмехнулся и качнул головой. – Глупости. Твоя мать и мухи не обидит, ты же знаешь.

– Расскажи мне про Ракольскую, – потребовала Настя.

Макс как-то воровато глянул по сторонам и облизнул губы.

– А что рассказывать? – тихо спросил он.

– Она лежит в больнице с инсультом. При чем тут моя мать?

Макс улыбнулся, и Настя подумала: если бы змея могла улыбаться, это выглядело бы именно так.

– Ракольская была конкуренткой твоей матери. За несколько дней до выборов в газете появилась статья, разоблачающая ее махинации в комитете солдатских матерей. Там

говорилось, что она использует погибшего сына как ширму, чтобы обдѣлывать свои грязные делишки.

– Это правда?

– Конечно!

Настя помолчала, сверля Макса пристальным взглядом.

– Это вы сделали? – резко спросила она.

– Что именно?

– Вы опубликовали эту статью?

Макс молчал.

– Отвечай, когда я спрашиваю! – властно потребовала Настя.

Макс улыбнулся и покачал головой.

– Вылитая мать! Однако, будь добра, веди себя потише. Ты всего лишь юная девушка и не имеешь права орать на меня. Твоя Ракольская сама ввязалась в борьбу, никто ее за руку не тянул. А на войне все средства хороши. Уверяю тебя, на месте твоей матери она бы поступила точно так же. Тут нет ничего личного. Обычный «черный пиар».

– Значит, все, что говорил калека, правда?

Макс вновь глянул по сторонам, затем посмотрел Насте в глаза и тихо сказал:

– Знаешь, как говорят? Ноу комментс. По-нашему – без комментариев.

Настя оцепенела.

– Это все алкоголь, – пробормотала она. – Это все из-за того, что она снова начала пить.

– Чепуха, – фыркнул Макс. – Твоя мать – великая женщина. Великий человек тем и отличается: он способен легко переступить через то, к чему обыкновенный даже подойти боится.

Зрачки Насти хищно сузились, точь-в-точь как у матери, когда та приходила в ярость.

– Это ты про себя говоришь? – процедила она, не разжимая зубов. – Это ты способен переступить?

Макс пожал плечами:

– Я всего лишь учусь. Но я хороший ученик. Поверь мне, девочка, твоя мама далеко пойдет. И когда она окажется на самом верху, я хочу быть рядом с ней. Понимаешь, о чем я? – И он весело подмигнул Насте.

– Кто-нибудь должен вас остановить, – сказала вдруг Настя.

– Что? – не расслышал Макс.

– Кто-нибудь должен вас остановить, – твердо повторила Настя.

Он улыбнулся, покачал головой:

– Не получится. Твоя мама – безжалостная акула с железными зубами. Ей нужно было только начать, решиться сожрать первую жертву и почувствовать вкус крови. Она это сделала. И не дай бог кому-нибудь встать у нее на пути.

Сейчас, сидя в машине и вспоминая эти слова, Настя поймала себя на том, что не испытывает к матери ничего, хотя бы отдаленно похожего на ненависть. Она чуть-чуть приот-

крыла глаза и покосилась на мать. Та выглядела уставшей и постаревшей. Предвыборная гонка действительно здорово ее вымотала.

Из-за поворота вынырнул отель.

– Смотрится неплохо, – проговорила Татьяна Михайловна и отхлебнула из бутылочки. – Надеюсь, здешняя вода действительно целебная. Иначе мне придется похлопотать о закрытии этого белокаменного вертепа.

5

Блондинка, стройная и одетая по последней моде, удобно расположилась на заднем сиденье желтого такси. Она прекрасно держалась и была, что называется, шикарной девицей. Большие голубые глаза смотрели на окружающих тем откровенно оценивающим и полным смешливой неуязвимости взглядом, который прощается только красивым молодым женщинам.

Звали блондинку Инна, однако сама она предпочитала называть себя Ева – таков был ее сценический псевдоним.

Мужчине, сидевшему рядом с Евой, было на вид лет двадцать пять. Рослый, мускулистый самец с красивым, немного капризным лицом и длинными светло-русыми волосами. Звали его Влад.

Из-за поворота показался белоснежный отель. Ева смотрела на него восхищенно.

– Он даже лучше, чем на рекламном проспекте, – восторженно проговорила она. – Он мне нравится!

– А мне нравишься ты, – сказал Влад и откинул со лба длинную белокурую прядь.

– Правда? – Ева улыбнулась. Кокетливо передернула плечами и уточнила: – А что именно тебе во мне нравится?

– Ну... – Влад насмешливо пожал плечами. – Мне нравится твоя кругленькая попка.

– А еще?

– Твоя талия, которую я могу обхватить ладонями.

– А еще?

– Твои стройные ножки, которые лучше всего смотрятся на моих плечах.

– Еще!

– Еще? – Влад засмеялся. – Какая ты ненасытная! Я люблю тебя всю!

– Правильно, Владик, – сказала Ева, и в голосе ее появились стальные нотки. – Отрабатывай свой хлеб.

– Ты о чем? – спросил Влад, все еще улыбаясь.

Ева чуть прищурила свои прекрасные васильковые глаза и дернула плечиком:

– Да так, ни о чем.

Улыбка покинула губы Влада, а в глазах промелькнула тревога. Что он такого сделал? Чем заслужил подобный тон? Влад покосился на Еву и попробовал осторожно прощупать ситуацию.

– Кажется, я не давал тебе повода для грубости, – обиженно произнес он. – Если тебе что-то не нравится в наших отношениях...

– То что? – прищурила небесно-голубые глаза Ева. – Ты уйдешь, хлопнув дверью? – Ева усмехнулась. – И куда? К своей дешевой шлюхе из ресторана «Колибри»?

Влад открыл рот. Затем судорожно сглотнул слюну и испуганно проговорил:

– Так ты знаешь?

– А ты думал, я слепая?

Влад овладел собой и перешел на доверительный тон.

– Ева, все не так, как ты думаешь. Между нами давно ничего нет.

– Ага. Значит, что-то было?

Влад опять растерялся. Глядя на его растерянное и из-за этого сильно поглупевшее лицо, Ева подумала о том, что мускулы у «суперсамцов» заменяют им мозги.

– Ладно, котик, не напрягайся, – смилостивилась она. – Все в порядке. Я на тебя не злюсь.

Влад несколько секунд испытующе вглядывался в ее лицо, затем виновато улыбнулся.

– Ева, ты знаешь: я люблю тебя больше жизни. Ты – мое небо и мое солнце.

– Знаю, знаю. А также луна, снег, ветер и морозящий дождик.

– Иногда, – обиженно произнес Влад, – ты похожа на гро-

зовое облако.

– Правильно! Будешь вести себя плохо, я превращусь в бурю, которая поднимет тебя в воздух и вышвырнет на помойку жизни.

Влад нахмурился и отвернулся к окну. Отель, скрывшийся от взоров пару минут назад, снова появился из-за поворота. Влад смотрел на него и думал с угрюмой мстительностью: «Ничего. Когда-нибудь мы поменяемся ролями. Вот тогда и посмотрим, кто из нас туча, а кто «морозящий дождик».

Вот уже полгода Влад Белковский работал в группе подтанцовки у Евы. Нашла она его в стриптиз-клубе, где Влад честно зарабатывал себе на хлеб, демонстрируя толпе подвыпивших, оголтелых дам свои мускулистые прелести.

Приглашение в группу «подтанцовки» Влад воспринял как очередную ступень в своей пока еще не слишком блестящей, но, безусловно, перспективной карьере.

В первые недели знакомства он был твердо уверен, что Ева от него без ума и в дальнейшем он сможет вертеть ею как захочет. Однако Ева быстро все расставила по местам, и уже через месяц Влад понял, что играет совсем не ту роль, на которую рассчитывал. Из сильного, уверенного в себе самца он превратился в некое подобие содержанки, заискивающей, капризной и страдающей от недостатка внимания со стороны своей госпожи.

Роль эта была Владу не по душе, но он вынужден был ее играть. Отчасти потому, что не терял надежды со временем

перевернуть ситуацию в свою пользу, отчасти оттого, что искренне привязался к Еве, которую за глаза называл «моя железная крошка».

Вдруг Ева засмеялась и взъерошила ему волосы.

– Не обижайся, – примирительно проговорила она. – Когда приедем, уложу тебя в постельку и ты сделаешь то, что лучше всего умеешь.

– Конечно, – усмехнулся Влад. – Разумеется. Ты видишь во мне только самца.

– Это точно, – согласилась Ева и, положив руку Владу на ширинку брюк, игриво добавила: – Тем более что иногда его очень трудно не заметить!

Она наклонилась к лицу Влада и нежно поцеловала его в губы.

6

Народу на перроне толклось относительно немного. Но легче от этого не становилось. В каждом встречном Виталию Евгеньевичу мерещилась скрытая угроза. Каждый взгляд прожигал насквозь и, казалось, смотрел ему в самую душу, и с ее дна, черного, как лесной омут, поднимались, подобно пузырькам болотного газа, страх и неуверенность.

Виталий Евгеньевич Балоба достал из кармана платок и вытер костлявый, потный лоб. Затем сжал под мышкой кейс и огляделся в поисках стоянки такси. В лице и во взгляде

Балоги было что-то птичье – быстрое, тревожное, нервное, готовое вспорхнуть в любую секунду. Волосы у Виталия Евгеньевича были песочного цвета, а глаза – почти бесцветные.

В кармане у Балоги зазвонил телефон. Прежде чем нажать на кнопку связи, он с опаской посмотрел на дисплей и лишь после этого включил связь и поднес телефон к уху.

– Да, – буркнул он в трубку. – Да, уже на вокзале. Когда ты за мной приедешь?.. Нет, так не пойдет. Ты обещал забрать меня сегодня вечером... Успокоиться? Какое к черту спокойствие! Я чувствую, что по моим следам уже отправили «гончих»... Нет, это не мои фантазии, это интуиция... Хорошо. Но это крайний срок. Не подведи меня.

Балога убрал телефон в карман, крепче сжал кейс под мышкой и зашагал к стоянке такси, время от времени пугливо и быстро оглядываясь по сторонам.

Такси он нашел уже через пять минут. Шофер заломил заоблачную цену, но Виталий Евгеньевич не стал торговаться.

На предложение положить кейс в багажник Балога ответил категорическим отказом. При этом в выцветших глазах его мелькнуло странное выражение – смесь тревоги, подозрительности и страха.

«Какого черта ему понадобился мой кейс? – мучительно подумал Балога. – Может, взять другую машину?»

Но Виталий Евгеньевич тут же отмел от себя эту мысль как вздорную. Если быть таким подозрительным, то а) никаких нервов не хватит, б) никуда и не выберешься с вокзала.

А вокзал, буквально напичканный подозрительными личностями, пугал Балогоу куда больше, чем румяный таксист.

Все эти соображения промелькнули в голове Виталия Евгеньевича за какую-то долю секунды.

– Долго ехать? – осведомился он сипловатым, нервным голосом.

– Около часа, – ответил тот, усаживаясь за руль.

В водительское окошко всунулась мужская голова:

– До отеля «Медуза» не захватите?

Незнакомый мужской голос заставил Виталия Евгеньевича вздрогнуть.

– Нет-нет! – проговорил он и машинально прижал к груди кейс. – Мы уже уезжаем!

Таксист удивленно посмотрел на него в зеркальце заднего обзора.

– Приятель, так ведь мы как раз туда и едем. Почему бы не подбросить парня?

Осознав свою ошибку, Балогоа кисло улыбнулся.

– Пусть садится, – сказал он. – Нет проблем.

– Другой разговор, – улыбнулся таксист. – Эй, забирайся!

Дверца открылась, и долговязый, худощавый мужчина уселся на сиденье рядом с Балогой.

– Сколько возьмешь? – осведомился он у водителя.

– Договоримся, – весело ответил таксист и тронул машину с места.

Машина вывернула с вокзальной площади и резво покатила по городу.

Балога нервно облизнул губы и взглянул на попутчика.

– Значит, вы тоже в «Медузу»?

– Угу, – ответил тот и сунул в рот сигарету.

– Отдыхать?

– Точно.

Блеклые, тревожные глазки Балого пробуравили лицо попутчика. На вид тому было около тридцати пяти – тридцати семи лет. Долговяз и худощав. Короткая стрижка, гладко выбритые щеки. Одет в темно-синюю рубашку, темный шерстяной пиджак и потертые джинсы. На смуглом запястье мужчины поблескивали часы «Омега», которые Балога с ходу оценил не меньше чем в пятьсот баксов.

«Похож на менеджера среднего звена», – подумал Виталий Евгеньевич и немного расслабился.

Ближайшие двадцать минут они не разговаривали. Даже таксист попался молчаливый, что совершенно устраивало Балогу.

Когда выехали из города и машин на трассе осталось совсем немного, Виталий Евгеньевич окончательно успокоился. Откашлявшись, он решил первым завязать разговор.

– Говорят, в этих местах случаются обвалы, – сказал Ба-

лога. – Я слышал, в прошлом году завалило автобус с туристами.

– В позапрошлом, – не оборачиваясь, поправил шофер. – Слава богу, тогда никто не погиб, только машину чуток помяло. И было это в восьми километрах отсюда. Здесь порода крепче.

– Ясно. – Балоба еще немного помолчал, затем повернулся к попутчику и сказал: – Меня зовут Виталий Евгеньевич. А вас?

– Егор Коренев, – представился попутчик. – Можно просто Егор.

– Очень приятно, – улыбнулся Балоба. Он посмотрел в окно на проносящиеся мимо кипарисы и вздохнул. – Не выношу жару. Я, видите ли, сердечник. Поэтому езжу к морю только в несезон. А вас что погнало к морю осенью?

– Лето выдалось хлопотным, – ответил Коренев. – Не успел отдохнуть.

– Бывает, – кивнул Балоба.

Балоба посмотрел на руки Коренева и снова заволновался. Слишком уж сильными выглядели они, слишком мускулистой казалась загорелая шея попутчика, слишком твердым – взгляд его серых глаз.

«О нет, он совсем не менеджер», – тревожно подумал Балоба, искоса посматривая на попутчика и еще крепче прижимая к груди кейс.

– Прошу прощения, – снова заговорил Виталий Евгенье-

вич. – А вы не бухгалтером работаете? Мне кажется, я видел вас на одной из конференций.

Долговязый усмехнулся и покачал головой:

– Нет, я не бухгалтер. Хотя деньги считать люблю.

Внезапно Балоба все понял. Прямой взгляд, четкие движения, отменная выправка – его попутчик был из военных. Как пить дать.

– Егор, а вы, случайно, не военный? – уточнил Виталий Евгеньевич.

– Уже нет, – ответил попутчик. – Два года назад демобилизовался.

«Вот оно что, – с облегчением подумал Балоба. – Ну, слава тебе господи, а то я уже чего только не передумал. Военный! Это все объясняет».

– Два года – это немного, – с улыбкой сказал Виталий Евгеньевич. – Служба, наверное, до сих пор по ночам снится?

Корнев пожал плечами:

– Да нет. Я сплю очень крепко и снов не вижу.

– Везет вам. Я вот – плохо. Засыпаю и вижу исключительно кошмары.

Виталий Евгеньевич хихикнул. Корнев вежливо улыбнулся.

– Никогда не понимал военных, – снова заговорил Балоба. – Сам-то я человек сугубо штатский. Даже в армии не служил. Могу я узнать, кем сейчас работаете?

– В службе безопасности одной фирмы. А вы?

– А я бухгалтер. Простой бухгалтер. Человек самой прозаической профессии. Слушайте, Егор, мне кажется, мы с вами подружимся. Я вообще не очень легко схожусь с людьми, но с вами... Вы, случайно, в шахматы не играете?

– Играю иногда, – ответил Коренев.

– Я тоже. Может, перейдем на «ты»?

– Давай, – кивнул Коренев.

«Ну, пошло дело», – с облегчением подумал Балоба. А вслух сказал:

– Я прочел в рекламном проспекте, что в отеле «Медуза» балконы по одному на два номера. Что, если мы поселимся в соседних номерах? Если погода испортится, всегда можно сыграть партию-другую в шахматы. Как вы... То есть как *ты* на это смотришь?

– Я не против, – ответил Коренев.

«Этот Коренев калач тертый, – думал Балоба, глядя на подтянутого попутчика. – Чем хороши военные, так это тем, что у них напрочь отсутствует воображение, они никогда не забывают себе голову посторонними вопросами. Из него выйдет неплохой телохранитель. В крайнем случае, если все пойдет не так, как мы планировали, я смогу взять этого парня в компаньоны. И обойдется он мне гораздо дешевле, чем нынешний поделщик».

Машину тряхнуло на ухабе так, что у Балоби щелкнули зубы.

– Подъезжаем, – объявил водитель. – Вон он, ваш отель!

Когда машина въехала в ворота отеля, на небе светило солнце, а в душе у Виталия Евгеньевича пели птицы.

«Все не так уж плохо», – думал он, глядя на то, как шофер обходит машину, чтобы открыть ему дверцу.

Еще теснее прижав к груди кейс, Виталий Евгеньевич бодро выбрался из салона.

7

Следом за желтым такси к воротам «Медузы» подъехал роскошный черный «Мерседес» с тонированными стеклами. Передняя дверца открылась, и с водительского кресла поднялся огромный, как медведь, широкоплечий мужчина в белом костюме из набивного льна.

Возраст его определить было трудно. Для сорока пяти он выглядел отвратительно, для пятидесяти пяти – почти великолепно. Впрочем, и в первом, и во втором случае его грубоватое, словно выструганное из полена топором лицо носило отчетливые признаки пристрастия к «зеленому змию».

Оказавшись на улице, верзила вдохнул полной грудью влажный морской воздух и проговорил:

– Уф-ф... Славно порулил. Надо почаще.

Из «Мерседеса» тем временем выбрались еще двое. Первый – молодой парень в кожаном пиджаке и фуражке с блестящим околышем. Второй – худосочный мальчик лет двенадцати с копной курчавых темных волос.

Парень тут же прошел к багажнику и привычным движением достал из него две объемистые сумки.

– Босс, куда их? – спросил он у верзилы.

– Как куда? В номер, конечно! Хотя нет – брось на землю.

У них тут для этого должен быть специальный человек.

– Босс, я сам могу донести.

– Я тебе дам «сам»! Ты мой водитель или кто?

– Водитель, – подтвердил парень.

– Вот и води. А таскать будут те, кто должен. Все, бросай сумки на землю.

Парень осторожно опустил сумки на асфальт.

– А теперь садись в машину и вали, – распорядился верзила. – Только не вздумай никого подвозить. Узнаю – уволю к чертовой матери.

– Павел Андреич, – с укором проговорил парень.

– Ладно, ладно. Знаю, что послушный. Все, езжай.

Дождавшись, пока «Мерседес» отъедет, верзила глянул на мальчика.

– А здесь ничего! – бодро проговорил он. – Данька, как тебе?

– Да. Ничего, – ответил мальчик.

Верзила взъерошил мальчишке волосы.

– Кипарисы, водичка, горы – красота! Ведь красиво, а? Данька!

Мальчик нахмурился.

– Да, – с прежним спокойствием ответил он. – Красиво.

К широкоплечему верзиле быстрой походкой подошел служащий отеля в красном пиджаке с надписью «Отель «Медуза»».

– Добрый день! – лучезарно улыбнулся он. – Мы рады приветствовать вас в...

– Ладно, ладно, – осадил его гигант. – Ты это... Давай, хватай сумки и тащи их в холл. А там разберемся.

Парень кивнул, подмигнул мальчишке, который никак не отреагировал на его подмигивание, и резво схватился за сумки.

– Тяжело, а? – с усмешкой осведомился верзила.

Служащий побагровел от напряжения, но сумел сохранить радушную улыбку.

– Я донесу!

– Конечно, донесешь. Только смотри не урони, а то враз уволю! У меня там хрупкие вещи, понял?

– Да.

– Вот так.

Верзила проследил за носильщиком насмешливым взглядом, затем, задрвав голову, посмотрел на отель и сладко потянулся.

– Это я хорошее место выбрал, – проговорил он, скаля в улыбке крупные, белые зубы. – Данька, отель что надо. Ты уж мне поверь.

– Я верю, – буркнул мальчишка.

– Погоди-ка... – Заметив рядом долговязого субъекта в

помятом пиджаке и потертых джинсах, верзила громко его окликнул:

– Эй, мил человек, добрый день!

Мужчина убрал в карман зажигалку, выпустил изо рта облако дыма и глянул на гиганта в белом костюме.

– День добрый, – ответил он.

Верзила, добродушно улыбнувшись, протянул ему огромную ладонь и представился:

– Павел Андреевич Крушилин. Бизнесмен.

– Егор Коренев, – ответил долговязый.

Они пожали друг другу руки.

– Тоже отдыхать? – осведомился Крушилин.

Егор кивнул:

– Да.

– Это дело! А это сынишка мой – Данька. Данил по полному. На вид он тщедушный, но с мозгами у него все в порядке.

– Привет! – улыбнулся мальчику Коренев.

– Здравствуйте, – сухо проговорил мальчик.

Крушилин положил ему руку на плечо и спросил:

– Данька, скажи, в каком году рухнула Римская империя?

– Пап! – нахмурился мальчик.

– Ну, скажи! Чего тебе, жалко, что ли?

Мальчик вздохнул и привычно отчеканил:

– Упадок Римской империи продолжался несколько веков. Окончательно ее существование закончилась в 476 году нашей эры захватом Рима германцами и готами под предво-

дительством Одоакра.

Крушилин довольно засмеялся и взглянул на Коренева:

– Видал, как шпарит? О чем хошь его спроси – все расскажет. И как только в башке все помещается, ума не приложу! Ладно, Данька, пошли. Надо бы вздремнуть с дороги. Кстати... э-э... как вас там, забыл...

– Егор, – подсказал Коренев.

Крушилин кивнул:

– Ну да, Егор. Я это... собираюсь вечером малость кутнуть на берегу. Не хотите присоединиться? – Он покосился на мальчика, чуть наклонился к уху Егора и жарко прошептал: – Девочек из города выпишу, поляну накрою, все дела! Ты как?

– Никак, – ответил Егор.

– В каком смысле?

– В прямом.

Крушилин вздохнул и окинул долговязую фигуру Коренева хмурым взглядом.

– А чего никак-то? Со здоровьем, что ли, проблемы?

– Нет.

– А что тогда?

– Не люблю.

– А-а. Ну ясно.

– Я пойду, – сказал Егор.

– Давай, – кивнул Крушилин.

Коренев подмигнул мальчику, повернулся и зашагал к ду-

бовым дверям отеля.

– Ишь, каков гусак! – насмешливо проговорил ему вслед Крушилин и повернулся к сыну. – Пошли, что ли, Дань?

– Пошли.

Верзила взял мальчика за руку, и оба двинулись к отелю.

8

Бросив вещи в номере, Егор отправился на разведку. За час он осмотрел отель и парк, но ничего странного не обнаружил. Парк оказался вполне ухоженным, с асфальтовыми дорожками и круглыми колпаками фонарей.

Бродя по парку, Коренев то и дело сталкивался с постояльцами. Некоторым просто кивал, спеша пройти мимо, с другими (когда улизнуть просто так не удавалось) завязывал короткий, ни к чему не обязывающий разговор.

В конце концов Егор сел на скамейку и закурил.

Прямых улик спустя четыре месяца после убийства не найдешь. На то, чтобы ходить вокруг да около, нет времени. Значит, нужно действовать в лоб, идти к цели прямым и кратчайшим путем.

Начать стоит с опроса потенциальных свидетелей.

* * *

– Девушка, одну секунду...

Поняв, что Егор обращается к ней, молоденькая горничная не только не остановилась, а еще быстрее покатила по коридору свою тележку.

Егору пришлось приложить усилие, чтобы нагнать ее до того, как она вкатит тележку в грузовой лифт.

– Не так быстро! – Коренев преградил ей дорогу.

Горничная посмотрела на него гневным взглядом, но тут же отвела глаза и тихо пробормотала:

– Простите, но мне нужно идти.

– Вы так спешите?

– Да. У меня еще много работы.

Двери лифта с шумом лязгнули у Коренева за спиной.

– Похоже, лифт ушел, – сказал Егор. – Теперь придется дожидаться следующего.

Девушка подняла взгляд, и Егору показалось, что он видит в ее глазах затаенный испуг.

– Нам не разрешают разговаривать с постояльцами, – тихо произнесла горничная.

– Я не отниму у вас много времени... Алена, – с дружеской улыбкой сказал Егор, прочтя имя на бейджике, прикрепленном к фартуку горничной. – Вы давно здесь работаете?

– С конца апреля. А что?

– Значит, вы были тут, когда один из отдыхающих пропал?

Горничная слегка побледнела (или Егору это просто показалось?) и снова отвела взгляд.

– Я ничего об этом не знаю, – пробормотала она. – Позвольте мне пройти.

– Но вы наверняка помните имя. Его звали Виктор Лемох. Был он бабник, а значит, ни за что бы не пропустил такую хорошенькую девушку, как вы.

Горничная покраснела.

– Почему вы о нем спрашиваете? Вы были с ним знакомы?

– Мы старые приятели, – соврал Коренев. – Виктор исчез, а перед этим задолжал мне кучу денег. Не то чтобы я стремился как можно скорее их вернуть... хотя мне бы сейчас не помешало... но я очень сильно по нему соскучился и хочу видеть его жизнелюбивую физиономию.

Горничная нахмурилась.

– Милиция искала его целый месяц и не нашла, – тихо проговорила она.

– Ну, может быть, не там искала. Вы ведь были с ним знакомы, правда?

Горничная нахмурила чистый белый лобик и закусила губу.

– Его что-нибудь тревожило в последние дни? – спросил Егор, предпочитая ковать железо, пока горячо. – Может быть, он из-за чего-то нервничал? Расскажите мне.

– Мы... собирались уехать в Москву.

– «Мы»? – Коренев усмехнулся. – Надо полагать, он наобещал вам золотые горы?

– Он пообещал на мне жениться.

Егор не нашелся что сказать. Впрочем, девушка и не ждала ответа.

– Ему не понравился отель, – задумчиво проговорила она. – Ему вообще не нравилась природа. Он терпеть не мог деревья, а море его просто раздражало.

– Тогда что он делал здесь? Зачем приехал?

Горничная наморщила лоб и пожала плечами:

– У него тут были какие-то дела. Я плохо в этом разбираюсь. По-моему, он вложил деньги в этот отель. Он был... забыла, как это называется...

– Инвестор?

Девушка улыбнулась и кивнула:

– Да.

– Гм... – Егор машинально достал из кармана сигареты.

– Здесь нельзя курить.

Егор недоуменно посмотрел на пачку «Кэмела», кивнул и сунул обратно в карман.

– Как он вел себя в последний день? – он посмотрел девушке в глаза. – Он кого-то боялся?

Горничная на несколько секунд задумалась, затем отрицательно покачала головой:

– Нет. Просто сказал, что природа его «достала», что до

смерти хочет в Москву. Спросил, готова ли я полететь вместе с ним. Я ответила, что да. Вечером мы с ним немного выпили у него в номере... Потом... Потом он сказал, что у него болит голова и он хочет прогуляться. Я спросила, не пойти ли мне с ним. Он ответил, что нет. Потом ушел, и больше я его никогда не видела.

Егор скользнул по лицу девушки оценивающим взглядом.

– Вы не слишком похожи на безутешную вдову, – заметил он.

Девушка чуть прищурилась.

– Мы были знакомы всего три дня, – спокойно сказала она. – Я даже не была уверена, что люблю его. К тому же...

– К тому же? – поднял бровь Егор.

На лице девушки появилась горькая усмешка.

– Он бы все равно меня не взял. Бизнесмены не женятся на горничных.

Егор помолчал.

– А хозяин отеля знал о вашей связи? – поинтересовался он.

– Думаю, да, – тихо ответила горничная.

– Судя по тому, что вы рассказывали о своем начальстве, босс должен был вас уволить.

– Должен был, – согласилась она. – Но не уволил. Думаю, пожалел. Теперь вы знаете всю правду. Можно мне уйти?.. Что с вами? Эй!

– А? Из...вините. – Егор тряхнул головой.

– Вам плохо? – тревожно спросила горничная.

– Нет. – Коренев заставил себя улыбнуться. – Я в порядке.

Он молча отошел от дверей лифта. Горничная закатила тележку внутрь и нажала на кнопку.

Проводив девушку взглядом, Егор задумался. И так, исчезновение Виктора Лемоха вполне может быть связано с его инвестициями в строительство отеля «Медуза». Однако интуиция подсказывала Кореневу, что все не так просто. И что, помимо вполне очевидных вещей, есть еще что-то. Что-то, с чем ему еще предстоит столкнуться.

За углом послышался тихий скрип. Егор зашагал по коридору. Свернув за угол, он увидел пожилого мужчину, почти старика, натирающего специальными щетками паркет. Рядом стояла алюминиевая тележка, нагруженная тряпками, швабрами и флаконами с моющими средствами.

Проходя мимо, Егор кивнул ему головой и двинулся дальше. Пройдя в задумчивости несколько шагов, Коренев уже забыл о полотере, и вдруг хриплый старческий голос у него за спиной тихо произнес:

– Проклят.

Егор остановился. Медленно обернулся.

– Простите, что вы сказали?

Старик посмотрел на него маленькими слезящимися глазками.

– Я сказал, что этот отель проклят. И мы все вместе с ним.

Старик отвернулся и снова принялся натирать паркет.

– Что значит «проклят»? – угрюмо спросил Коренев.

– Этот отель проклят, – продолжил бурчать себе под нос старик, усердно работая щеткой и, похоже, не обращая на Егора никакого внимания. – Мы все прокляты... Все...

Дедок был явно не в себе. Егор решил, что тратить время на разговоры с сумасшедшим – непозволительная роскошь. Он повернулся и, сжав сигареты в руке, зашагал к лестничному пролету.

– Прокляты... – донесся до его слуха затухающий голос. – Вы все прокляты...

Егор свернул за угол, прошел еще несколько шагов и вдруг остановился. Прямо перед собой он увидел обитую черной кожей дверь, на которой красовалась золотистая табличка с надписью:

Р. И. ГРАЧ

Егор прищурился и дернул себя за мочку уха.

– Ты-то мне и нужен, приятель, – проговорил он и решительно шагнул к кожаной двери.

Стучать не стал, просто распахнул дверь и вошел. Вежливость – вещь замечательная и чрезвычайно приятная в обращении. Но когдаходишь на чужую территорию неожиданно, всегда есть шанс застукать хозяина врасплох.

Что-то вроде этого случилось и сейчас. Хозяин отеля, си-

девший за столом, поспешно натянул на руки бежевые перчатки и взглянул на Егора удивленно-неприветливо.

– Добрый вечер! – добродушно поприветствовал его Коренев.

– Здравствуйте, – мелодичным баритоном ответил Грач.

– Могу я войти?

– Вы это уже сделали. – Хозяин отеля слегка прищурил набрякшие веки и окинул Коренева спокойным, холодноватым взглядом.

– Если вы не возражали, когда я входил, значит, не будете возражать, если я сяду, – сказал Егор и, не дожидаясь приглашения, плюхнулся в кресло.

Грач молчал, разглядывая Коренева. Дорогая трубка дымила в его длинных пальцах, обтянутых тонкими перчатками.

«Не слишком-то он ласков, – подумал Егор, глядя на эти пальцы. – А насчет перчаточек – это мы еще выясним».

– Я подумываю остаться здесь надолго, – сказал Коренев, придавая своему лицу беззаботное выражение и приветливо улыбаясь Грачу. – Вот пришел узнать: не может ли так случиться, что вы внезапно закроете отель, как это было в начале сезона?

Грач смотрел на Коренева все тем же спокойным, чуть холодноватым взглядом, но Егор заметил, как его черные брови слегка сдвинулись к переносице.

– Вы можете оставаться столько, сколько захотите, – мед-

ленно проговорил Грач.

– Отлично! – кивнул Егор. Он сделал вид, что собирается встать, но вдруг снова сел в кресло, чуть наклонился вперед и заговорил тихим, доверительным тоном:

– Я слышал, здесь у вас прекрасный парк. Но не опасно ли гулять по нему ночью?

– Ночью? – приподнял черную бровь Грач.

Корнев кивнул:

– Ну да. Дело в том, что я плохо сплю, а ночные прогулки – лучшее средство от бессонницы.

Рувим Иосифович сухо улыбнулся.

– Вы можете гулять хоть всю ночь напролет. Парк абсолютно безопасен.

«А ты крепкий орешек, – подумал Егор, пристально разглядывая хозяина отеля. – Ну, ничего, приятель, я тебя раскушу».

– Но, кажется, один из постояльцев отеля пошел прогуляться, а обратно так и не вернулся. Четыре месяца назад об этом много писали.

– Писали? Можно узнать, где?

Корнев благодушно улыбнулся:

– В Интернете.

– Вот как?

Грач пососал свою трубку, выдохнул облачко ароматного дыма и проговорил:

– Случается, что люди пропадают в самых безобидных и

людных местах. Но мы приняли меры, чтобы это никогда больше не повторилось. Парк огорожен.

– Если человека понесет в лес, ему и забор не преграда, – заметил Егор.

Рувим Иосифович вежливо кивнул.

– Вы правы. Для таких безрассудных голов дьявол и придумал выпивку.

– А, так вот в чем дело, – понимающе произнес Егор. – Значит, тот человек был пьян?

– Я не могу утверждать, – сказал Грач, – но думаю, что да.

– Ясно. – Егор взглянул на руки Грача и добродушно поинтересовался: – Не жарковато в перчатках?

На лице хозяина отеля не дрогнул ни один мускул. Он затянулся трубкой и спокойно проговорил, выпустив облако дыма:

– У нас прекрасный парк, он вам понравится. Простите, мне нужно заниматься делами. Желаю приятно провести время. Если что-то понадобится, сотрудники отеля всегда придут вам на помощь.

Егор улыбнулся, посмотрел на хозяина отеля и сказал:

– Еще один вопрос.

По лицу Грача пробежала тень. Однако хозяин отеля сдержался и вежливо проговорил:

– Я вас слушаю.

– Виктор Лемох инвестировал деньги в строительство вашего отеля, не так ли?

Егор впери́л пристальный взгляд в лицо Грача, надеясь уловить что-то, что подскажет ему ответ на все вопросы разом. Но тот был невозмутим. Хозяин отеля приподнял черные брови и спросил:

– И что с того?

– Ничего, – ответил Коренев, прищу́рив глаза. – Пока ничего. Но кто знает, что будет дальше.

Грач взглянул на Егора со смесью раздражения и любопытства.

– Вы журналист? – резко спросил он.

Егор покачал головой:

– Нет.

– Милиционер?

– Тоже нет.

– Тогда почему вас интересует судьба Виктора Лемоха?

Егор усмехнулся.

– Меня интересует собственная безопасность. Что вполне естественно для человека, приехавшего в новое место.

– Не думаю, что судьба Виктора Лемоха имеет какое-то отношение к вашей безопасности. Гуляйте где хотите, но *не заходите слишком далеко*.

Несколько секунд мужчины пристально смотрели друг другу в глаза. Егор первым отвел взгляд. Он поднялся с кресла.

– Приятно было познакомиться. Спасибо за разговор.

– Не стоит благодарности.

Черная трубка с серебряным ободком дымилась в пальцах, затянутых в перчатки, напоминающие погребальные бинты мумии.

Егор кивнул, повернулся и покинул кабинет.

Оказавшись в коридоре, он остановился, чтобы перевести дух.

Ну, вот. Первый ход сделан. Возможно, Егор ошибся, выложив перед хозяином отеля свои карты, но в данный момент он был уверен, что поступил правильно. С момента исчезновения Виктора Лемоха прошло четыре месяца. Срок большой. Этого времени рыбам хватит с лихвой, чтобы обглодать самый упитанный труп.

Надежды на то, что спустя четыре месяца удастся обнаружить какую-нибудь улику, не существовало. Единственный способ уличить затаившегося злоумышленника – это спровоцировать его на какие-либо действия.

После беседы с Корневым Грач будет заинтригован, а если повезет, то и напуган. (Предположив это, Егор не удержался от усмешки: слишком уж невозмутимым и безмятежным было лицо хозяина отеля.) Он поймет, что... и попытается вновь обрести контроль над ситуацией. Тут-то Егор его и прихлопнет.

А если нет? Если Корнев ошибся?

Что ж... У него в рукаве завалялась еще пара-тройка козырей, и он готов пустить их в ход.

Павел Иванович Крушилин послушно скинул с плеч белый льняной пиджак и расстегнул ремень на брюках. Усаживаясь на кровать, он поднял указательный палец и наставительно произнес:

– Сынок, никогда не пей днем, понял?

– Да, папа, – ответил Данил, помогая отцу раздеваться.

– И вечером не пей, – сурово проговорил Крушилин заплетающимся голосом. – Вообще не пей... Только квас...

Помогая отцу снимать брюки, Данил старался не смотреть на него, чтобы не чувствовать отвращения. Он помнил, что когда-то любил отца, но сейчас не мог без удивления вспоминать о том чувстве. Как можно любить *такое*? Хотя... может, раньше он был другим? Тогда, четыре года назад, когда еще была жива мама.

Мама была полной противоположностью отцу. Ее Данил помнил не очень четко, словно во сне, в хорошем, ярком сне, на самом дне которого притаилось нечто тревожное. Он хорошо помнил лицо мамы и ее взгляд – грустный, задумчивый.

Мама погибла. Сначала ее похитили, чтобы досадить отцу и выбить у него долю в каком-то предприятии. Отец согласился встретиться с шантажистами. На встречу он отправился один, прихватив с собой «АКМ» и пару гранат. Когда

он увидел, что жены в машине похитителей нет, он выдернул чеку и швырнул гранату в салон. А потом изрешетил горящий автомобиль автоматными очередями...

Герой, ничего не скажешь. Только у каждого поступка есть обратная сторона, в чем Крушилин вскоре и убедился. Его жену нашли лишь два месяца спустя в погребе заброшенного дома. Говорили, что шантажисты в любом случае убили бы ее, но Даня знал наверняка – в смерти мамы виноват отец.

Данил плохо помнил, как ее хоронили. Тетка рассказывала ему, что во время похорон он не плакал, а просто стоял рядом с гробом. Молча, спокойно. Впрочем, это он помнил сам.

Помнил он и страшный момент: гроб с телом матери собрались уже опустить в могилу. И тогда Даню словно прорвало. Он оттолкнул всех, упал грудью на крышку гроба и зарыдал и рыдал еще десять минут, пока тетка и отец не оттащили его.

Все, что было потом, Данил не помнил совсем. Лишь по рассказам родных знал, что вечером следующего дня нашел в гараже бутылку с какой-то технической жидкостью и успел выпить больше половины, пока отец не застучал его.

Последующие полгода Данил провел в больницах, где врачи старались восстановить его утраченное зрение. Даня не видел ничего, кроме неясных теней, но это несколько его не пугало. Он лежал в постели смиренно, даже не пытаясь прислу-

шаться к разговорам, которые вели взрослые. Словно вместе со зрением из его глаз вытекла сама жизнь.

Но потом пришел день, который все переменял. Начался он как обычно. Данилу кормили, осматривали, делали ему уколы, разговаривали с ним. Он ел, терпел, отвечал «да» или «нет», когда требовалось. Одним словом, вел себя как механическая кукла, которая раскрывает рот и двигает руками – до тех пор, пока не кончится завод.

С полудня в сердце поселилась тревога, не имевшая под собой никакой причины. Вечер прошел в тревожном ожидании, а когда пришла ночь, Данил, измотанный предчувствием беды и собственными страхами, неожиданно уснул.

Проснулся он среди ночи, совершенно внезапно. Отец устроил его в отдельную палату, чтобы сын «наслаждался одиночеством». Данил слышал шорох, а вслед за тем почувствовал сквозняк, словно кто-то беззвучно открыл дверь. Затем раздались шаги – легкие, невесомые, почти неразличимые.

Данил почувствовал, как по его спине пробежала холодная волна, как внезапно вспотели корни волос. Сердце учащенно забилося. Мальчик сел в постели и уставился во тьму незрячими глазами.

Шаги достигли кровати и стихли.

– Кто это? – спросил Данил и вздрогнул – так громко и жутко прозвучал его голос в пустой палате. – Я слышал, как вы подошли. Кто вы?

– Сынок, ты не должен волноваться.

– Мама?

– Да. – Мягкая рука легла ему на волосы. – Прошу тебя, говори тише. Нас не должны слышать.

Даня вцепился пальцами в руку матери. Рука была прохладной, будто мама только что пришла с улицы.

– Я знаю, ты ненавидишь отца, – снова заговорила она.

– Это из-за него ты умерла! – воскликнул Даня, чувствуя, что плачет от счастья. – Но ты сейчас здесь! Ты вновь жива?

– Нет, – грустно ответила мама. – Но давай не будем об этом. Я пришла, чтобы сказать тебе...

– Что сказать, мама?

Даня не видел ее лица, но почувствовал, что она улыбается. Когда она опять заговорила, голос ее звучал мягко и нежно:

– Я люблю тебя и не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

– Мама, я хочу быть с тобой!

– Еще не время, милый. Ты должен жить. Ты вырастешь, станешь взрослым мужчиной. Я хочу гордиться тобой. Хочу, чтобы ты стал хорошим человеком.

– Но я хочу быть с тобой!

– Я всегда буду рядом. Обещаю. А сейчас... мне нужно идти.

Данил схватил руку матери и порывисто поднес ее к своим губам.

– Мама, не уходи! Прошу тебя!

– Я должна, сынок. Но я еще вернусь.

– Правда?

– Правда.

– А когда?

– Я не знаю. Это от меня не зависит. Обещай мне, что больше не будешь делать глупостей.

– Я обещаю, мама! Только приходи поскорее!

Даня перестал чувствовать руку матери. Она словно растаяла у него под пальцами, превратилась в дым. Он испугался и хотел заплакать, но в это мгновение нежный голос матери проговорил:

– Ты увидишь много странного и страшного. Но ты не должен бояться. Ты не должен бояться, милый...

Голос матери звучал все тише и тише, пока не затих вдали. Даня хотел вскочить с кровати и броситься за ней вдогонку, но вдруг почувствовал страшную усталость. Он вздохнул и опустил голову на подушку.

«Она еще придет, – подумал он. – Обещала – и придет». Даня почувствовал, как на него наваливается сон, и не стал ему сопротивляться. Засыпая, он улыбался.

...А утром вернулось зрение.

Отец в тот момент сидел на табуретке, рядом с кроватью сына. Поняв, что снова может видеть, Данил не испытал дикой радости, и все же сердце его восторженно забилося.

– Папа, – проговорил он и схватил отца за руку, – я...

– Дурак, – сказал Крушилин, обдав Даню запахом перегара. – Дурак и слабак. Жаль, что похитили ее, а не тебя.

Данил не почувствовал ни обиды, ни возмущения, ни горя. Он вдруг четко осознал, что ненавидит этого человека. Ненавидит до того, что готов его убить. Не сейчас, нет. Потом, когда-нибудь – когда выпадет подходящий случай. Ведь это он – он один! – виноват в том, что мама больше никогда не подойдет к Даниной постели, никогда не погладит его по волосам, не скажет нежных слов...

И сейчас, стаскивая с отца вонючие носки, Данила не чувствовал ничего, кроме отвращения.

– Сынок, никогда не пей днем, – хрипел Крушилин, пристраивая толстую щеку на подушку.

– Да, папа.

Крушилин протянул руку и потрепал Даню по волосам.

– Я люблю тебя, ты знаешь?

– Да, папа, знаю.

Засыпая, отец еще что-то бубнил себе под нос, но Даня уже не слушал. Дождавшись, пока отец захрапит, мальчик достал из шкафа чемодан и принялся аккуратно выкладывать вещи на пол, пока не добрался до небольшого деревянного ящичка.

Крышка его была не заперта. Даня откинул ее и достал из специального углубления короткоствольный шестизарядный револьвер. Даня взвесил револьвер на ладони. Затем повернул его к себе дулом и взглянул на круглые головки патро-

нов. Шесть медных головок, и за каждой из них – свинцовая пуля, способная разmozжить голову даже такому медведю, как Павел Крушилин.

Даня сжал рукоять револьвера и взглянул на спящего. Вот удобный момент. Оружие в руке, отец спит и еще долго будет спать. Даже если не хватит решимости сделать все сразу и быстро, то есть время, чтобы еще раз все обдумать. Впрочем, зачем думать? Все уже давно решено.

Но выстрелить оказалось не так-то просто. Даня колебался, испытывал страшную досаду.

«Почему это образованные люди такие нерешительные трусы? – подумал он в отчаянии. – Любой из дворовых пацанов на моем месте давно бы уже нажал на спуск».

Он уткнул дуло револьвера отцу в висок.

«Давай! Давай же!»

Рука начала дрожать.

Вдруг свет в комнате померк, как если бы кто-то подошел к окну и заглянул в него. Данил обернулся и уловил краем глаза какое-то движение, словно кто-то быстро отпрянул от окна. Сердце испуганно забилося, глаза вдруг стала заволакивать желтая пелена, и Даня с ужасом понял, что слепнет.

За прошедшие после отравления четыре года с ним это случалось дважды. Первый раз, когда соседский мальчишка Колька Рабишев во время драки ударил его кулаком в переносицу. Тогда слепота продержалась полдня, а к вечеру отступила, к удивлению врачей и скучноватой радости отца.

Второй раз Даня ослеп всего на несколько секунд. Это было, когда он оступился и упал в яму с гнилыми листьями. Тогда он не успел даже как следует испугаться.

Памятуя тот случай, Данил заставил себя успокоиться и решил просто переждать. Зрение должно вернуться, как возвращалось всегда.

Он замер и спустя несколько секунд услышал шорох. Затем – едва различимый звук шагов. Данил напрягся.

– Кто здесь? – тихо спросил он.

Ответа не последовало.

– Я... – Данил перевел дух. – Я просто играл.

И вновь ответом ему была тишина.

– Почему вы молчите?

В нос Дане ударил резкий запах. Пахло чем-то плесневелым, залежавшимся. Запах стал сильнее, словно тот, от кого он исходил, подошел совсем близко.

Данила слегка замутило. Сердце забилось часто-часто, и мальчик готов уже был закричать от ужаса, когда вдруг все кончилось. Ощущение чужого присутствия исчезло так же внезапно, как появилось.

Желтая пелена спала с глаз, и Данил вновь обрел способность видеть. Он удивился, увидев, что все еще держит револьвер в поднятой руке. Устало опустив руку, посидел немного на полу, приходя в себя, затем аккуратно уложил револьвер в ящик, убрал на дно чемодана и заложил сверху рубашками и брюками отца.

И еще один постоялец прибыл в отель в тот день. Случилось это около трех часов дня, когда солнце припекало почти по-летнему, а юго-восточный ветер играл морскими волнами, выбивая из них серебристые искры.

Из желтого такси вышел мужчина среднего роста – жгучий брюнет, одетый в дорогой костюм, элегантный до франтовства. На голове его красовалась изящная фетровая шляпа.

Пассажир протянул таксисту зеленую купюру и сказал голосом мягким и мелодичным:

– Держите, любезный.

Таксист глянул на купюру и буркнул:

– У меня нет сдачи.

– И не надо, – сказал брюнет с улыбкой. – Оставьте жене на цветы.

Купюра перекочевала в карман таксиста. Брюнет зыркнул глазами по сторонам, вновь наклонился к таксисту и тихо проговорил:

– Возможно, мне придется скоро выехать из отеля. Очень скоро и очень срочно. Сможете приехать за мной сразу, как только я позвоню? За срочность заплачу по двойному тарифу.

– Не вопрос, – заверил его водитель.

– Даже если мне придется уехать ночью?

– В любое время.

Брюнет прищурил черные глаза и поинтересовался:

– А жена возражать не станет?

– Я холостяк.

– Отлично. Это мне подходит. Вот вам в качестве аванса.

И он сунул в руку таксисту еще одну купюру.

Дождавшись, пока машина отъедет, красавец-брюнет поправил шляпу и, подхватив небольшую сумку, двинулся к отелю. Проходя через летнее кафе, он остановился возле столика, за которым сидела Настя, и, приподняв шляпу, проговорил:

– Милая девушка, я вижу, вы пьете «маргариту». Оцените и скажите – умеют ли ее здесь готовить?

– Мне нравится, – сказала Настя, с любопытством глядя на элегантного брюнета.

– Лучшей характеристики и не требуется. Вероятно, вам уже много раз говорили, что вы великолепно сложены. Никогда не думали о карьере танцовщицы?

– Нет, – ответила Настя удивленно. – А что, можете устроить?

Брюнет чуть прищурил черные, пронзительные глаза.

– Меня зовут Альберт. Альберт Алмазов.

– Настя, – представилась Настя.

– Очень приятно.

Алмазов сунул в рот черную сигарету. Он щелкнул паль-

цами, и откуда ни возьмись в руке у него появилась горящая зажигалка.

– Круто! – оценила Настя. – Вы что, фокусник?

Брюнет улыбнулся и покачал головой:

– Нет. Я продюсер. Продюсирую танцевальное шоу в Санкт-Петербурге. «Синее пламя» – слышали?

Настя мотнула головой:

– Нет.

– Сразу видно, что вы не из Санкт-Петербурга. Кстати, вы надолго сюда?

Настя пожала плечами:

– Не знаю. Пока матери не надоест.

– Значит, вы здесь с матерью. – Брюнет выпустил уголком рта бледно-голубую струйку дыма. – Надо полагать, она такая же красивая, как и вы?

Настя насмешливо прищурилась.

– Моя мама политик. А политики не бывают красивыми.

– Вот как? Какими же бывают политики?

– Солидными, властными, умными. В крайнем случае – обаятельными. Но красивыми им быть нельзя.

– Позвольте узнать – почему?

– Потому что красивого политика никто не воспримет всерьез.

Алмазов обдумал слова Насти и улыбнулся.

– В ваших словах большая доля истины, – сказал он. – Знаете, что по этому поводу сказал один японский мудрец?

Он сказал: «Красивая женщина – это как коробок спичек. Относиться к нему серьезно – смешно, несерьезно – опасно».

Настя подумала, что бы это могло значить, но ничего не надумала.

– А вы сюда надолго? – спросила она.

Альберт пожал плечами:

– Еще не знаю. У меня в Питере много незаконченных дел. Но думаю, что пару дней отдохну. И гори все дела синим пламенем! – Алмазов улыбнулся, подхватил с пола сумку и весело подмигнул девушке. – Приятно было познакомиться, Настя. Еще увидимся.

11

Бросив сумку в номере, Альберт вышел прогуляться. Небо было затянуто белыми облаками, из-за которых желтым веером пробивались лучи солнца.

Порыв холодного ветра заставил Альберта поднять воротник пиджака. Прогуливаясь вдоль полосы прибоя, он глубоко задумался – было о чем. Весь последний год Альберт вел столь же раскованный, сколь и рискованный образ жизни. В начале прошлой осени ему крупно повезло в рулетку. Поставив три раза подряд на «зеро», он выиграл больше сорока тысяч долларов.

Сумма приличная, но Альберту ее хватило лишь на полго-

да. Первый месяц после выигрыша он помнил плохо. Воспоминания окутал густой алкогольный туман, из которого выныривали то смеющиеся физиономии приятелей, то голые тела многочисленных женщин, имен их Альберт не знал и счет им не вел.

Женщины в Питере, женщины в Праге, женщины в Париже... Сильно поиздержавшись, Альберт пытался исправить ситуацию игрой в карты. Но везение оставило его. После нескольких мелких проигрышей и таких же мелких выигрышей Альберт почувствовал страшную усталость. Стоя перед зеркалом в дешевом номере провинциального отеля, он сказал себе:

– Мужчина, вам уже не двадцать. И даже не тридцать. Скоро у вас поседеют волосы в таком месте, о котором неприлично упоминать в обществе. Пора прекратить беготню и взяться за ум.

В тот день Альберт решил, что больше не станет размениваться на мелочи, а будет ждать настоящего, крупного дела. Дела, которое раз и навсегда решит все его проблемы. И вскоре такое подвернулось.

Погруженный в свои мысли, Альберт не заметил, как небо потемнело. Набежавшие тучи принесли на побережье ранние сумерки. Прогуливаясь, Альберт отошел от отеля километра на два. Берег стал каменистым и почти неприступным. В сочетании с пасмурным небом и холодным ветром картина получалась довольно мрачная.

Альберт остановился и взглянул на море. Волнение усиливалось, и Альберт подумал, что скоро начнется шторм. В шторме не было ничего хорошего. В пасмурную погоду все постояльцы, вместо того чтобы валяться в шезлонгах на берегу моря или вдыхать в парке аромат тропических растений, будут торчать в отеле.

Альберт вздохнул и поежился от холодного ветра. Затем перевел взгляд на белую башню маяка. Альберту показалось, что он разглядел мелькнувшую человеческую фигурку на самой вершине. Впрочем, ерунда. Маяк старый, заброшенный, тот, кто рискнет забраться наверх, наверняка сломает себе шею.

Откуда-то издали донесся собачий лай, и Альберт нахмурился. Он терпеть не мог собак. Должно быть, лай шел из какого-нибудь поселка. Иногда ветер способен переносить резкие звуки на очень большие расстояния.

Альберт оглянулся на отель и решил, что пора возвращаться. Погода портилась на глазах.

Прикурив от золотой зажигалки, Альберт снова посмотрел на темное море. У самой линии горизонта, там, где море и небо сливались, уже полыхали вспышки молний.

Глядя на далекие всполохи, Альберт подумал, что, пожалуй, в мире нет ничего страшнее, чем вид грозы, бушующей над морем. Ему вспомнились картины Айвазовского, где морские волны, как раскрытые пасти огромных чудовищ, вздымаются над утлыми суденышками, готовясь поглотить

их.

Альберт затянулся сигаретой и опять поежился. Становилось все холоднее. Он уже хотел отвести взгляд от горизонта, как вдруг внимание его привлекло нечто странное. Примерно в километре от берега Альберт заметил что-то вроде темных, подрагивающих столбцов.

Заинтересовавшись необычным зрелищем, Альберт прищурил темные глаза и пристально взгляделся в странные завихрения. Было их около десятка. И вдруг сердце Алберта замерло. Он понял, что это человеческие фигуры! Они шли прямо по воде, но самое страшное – стремительно приближались к берегу!

Альберт побледнел. Стало трудно дышать, а по спине стекла струйка холодного пота.

«Этого не может быть, – сказал себе Альберт. – Это просто смерчи». Альберт где-то читал, что над морем часто случаются смерчи, но видеть их своими глазами ему не доводилось.

Решив, что странные очертания всего лишь игра воображения, Альберт закрыл глаза, медленно досчитал до пяти и снова их открыл. Человеческие фигуры никуда не исчезли. Теперь они были у самого берега. Почти не сознавая, что делает, Альберт повернулся и побежал. Его охватил страх, такой всепоглощающий, какого он никогда не испытывал. Сердце бешено колотилось. На бегу он пытался припомнить, выходят ли смерчи из моря на берег?.. Вроде бы нет. Что-то

мешает им это сделать. Но что? Перепады давления? Или какие-нибудь «нисходящие потоки воздуха»?.. Альберт ничего не понимал в физике. Но что будет, если ОНИ ВЫЙДУТ?

Пробежав метров двадцать, Альберт оглянулся. Брови взлетели вверх от изумления, а в цыганских глазах мелькнул ужас. Черные фигуры вышли из воды и теперь, дрожа и корчась, словно в судорогах, с угрожающим гулом неслись по пляжу.

Альберт снова побежал. Гул за спиной становился все громче. Альберт бежал изо всех сил, в надежде увидеть кого-нибудь из постояльцев и позвать на помощь. Однако берег был пуст. Сигарета выпала у Альберта изо рта. С непривычки он стал задыхаться.

Пробежав еще несколько метров, Альберт споткнулся о круглый голыш и упал. Он заткнул руками уши и вжался животом и грудью в камни. Гул стал затихать и отдаляться. Но лишь спустя минуту Альберт решился приподнять голову и оглядеться.

От смерчей (а теперь уже Альберт не сомневался, что это обыкновенные смерчи, по странному стечению обстоятельств принявшие облик человеческих фигур) не осталось и следа. По всей вероятности, они пронесли мимо и, пробежав до края бухты, снова ушли в море.

– Альберт? – услышал он девичий голос.

Альберт взглянул вверх и увидел перед собою Настю.

– Вы чего тут? – удивленно спросила она.

– А?

– Что вы тут лежите?

Альберт поднялся на ноги, надел на голову упавшую шляпу и отряхнул костюм.

– Ты их видела? – спросил он.

– Кого?

«Смерчи», – хотел сказать Альберт, но вовремя остановился. Что, если смерчи видел он один? Пожалуй, эта девочка может поднять его на смех. Альберт совершенно не выносил, когда над ним смеялись.

– Я заметил тут редких птиц, – сказал он, импровизируя.

Настя вздохнула:

– Я ничего не понимаю в птицах.

– Зря. – Альберт осмотрелся. – Не скажу, что птицы – совершенные создания, но одно знаю наверняка: они гораздо симпатичнее большинства людей.

– Может быть. – Настя с любопытством взгляделась в смуглое лицо продюсера и вдруг спросила: – Альберт, а вы цыган?

– Почему ты так решила?

– У нас в классе учился мальчик по фамилии Алмазов. Он был цыган.

Альберт улыбнулся, сверкнув безукоризненно белой полоской зубов.

– Видишь ли, в моем происхождении есть много таинственного. А тайна потому и тайна, что не станешь раскры-

вать ее каждому встречному-поперечному. Но если мы с тобой подружимся... – Альберт вынул из кармана портсигар. – Хочешь сигариллу?

– А что это? – заинтересовалась Настя.

Альберт достал из портсигара две черные сигареты, одну протянул Насте, а вторую вставил в рот.

– Сигарилла – это маленькая сигара, – объяснил он.

Настя взяла сигариллу и повертела ее в руках.

– Красивая, – сказала она.

Альберт усмехнулся и чуть прищурил черные глаза:

– Попробуй.

– А вы маме не расскажете?

Альберт покачал головой:

– Нет. Давай так: я никому не скажу, что ты курила, а ты – о том, что видела меня ползающим на брюхе по пляжу. Идет?

Настя улыбнулась и кивнула:

– Идет.

– Ты отличная девушка! – сказал Альберт и чиркнул зажигалкой.

Настя прикурила от дрожащего на ветру язычка пламени, втянула в себя дым и закашлялась. На глазах у нее выступили слезы.

– Крепкие!

– А ты не затягивайся, – посоветовал Альберт. – Наслаждайся вкусом и ароматом.

– Хорошо. – Настя набрала дым в рот и снова закашля-

лась. – Не получается.

– Ничего, натренируешься. Держи! – Альберт протянул ей еще две черные сигареты и улыбнулся. – Выкуришь, когда будет возможность.

– Ох, ты! Здорово! – Настя спрятала сигареты в карман джинсовой курточки. – Спасибо!

– Не за что. Прогуляемся?

– Давайте.

Манеры Альберта были столь ненавязчивыми, голос столь мягким, а улыбка столь обворожительной, что уже через пять минут Настя раскрывала перед ним душу.

– Она сказала, что собирается воевать с богатыми, понимаете? И что для этого идет во власть!

– Возможно, так и есть, – заметил Альберт.

Настя фыркнула:

– Вранье! Как она собирается воевать с богатыми, если у нее самой на пальце кольцо с бриллиантом в четыре карата?

Альберт выпустил облачко бледно-голубого дыма.

– Четыре карата – это много, – согласился он. – Но даже если она продаст кольцо, вырученных денег все равно не хватит, чтобы накормить всех городских бродяг.

– Как раз хватит! – возразила Настя. – Это старинное кольцо. Один мамин приятель предлагал ей за него новенькую спортивную машину.

– Вот как? – Альберт поежился. – Становится холодно. Знаешь что, ты иди в отель, а я еще немного поброжу.

– Зачем?

– Во время прогулок мне в голову приходят дельные мысли.

Настя улыбнулась:

– Даже если вам на голову сыплется град?

– Тем более когда сыплется град, – тоже улыбнулся Альберт.

Они остановились возле мыса.

– Мы еще увидимся? – спросила Настя.

– Конечно.

Настя улыбнулась, махнула ему ладошкой и зашагала к отелю. Альберт посмотрел ей вслед, затем перевел задумчивый взгляд на море. В голове у него вертелись две мысли. Первая была связана со странными смерчами, вторая – со старинным кольцом, о котором рассказала ему девочка.

Вторая мысль была приятнее и перспективнее, поэтому он остановился на ней.

Глава 2

Странности

1

В висках стучало, затылок ломило, к горлу подкатывала легкая тошнота. Опять эта чертова мигрень. Теперь до самого вечера покоя не будет.

Татьяна Михайловна Быстрова взяла со столика глиняную бутылку с испанским джином, плеснула в стакан и залпом выпила. Затем посмотрела на часы, чтобы определить, сколько же она проспала. Полчаса. Всего-то.

Скрипнула входная дверь, и секунду спустя в комнату вошла Настя.

– Где ты была? – хрипло спросила ее Татьяна Михайловна.

– Ты сама знаешь. Наверняка подглядывала за мной из окна.

«Боже, и когда эта маленькая стерва перестанет мне хамить?» – с тоской подумала Татьяна Михайловна. А вслух сказала:

– Что это за парень торчал у твоего стола?

– Новый постоялец.

Настя рухнула в кресло, сбросила туфельки и положила

ноги на журнальный столик. Быстрова взяла стакан и поднесла его к губам. Натолкнувшись на пристальный взгляд дочери, нахмурилась и поставила стакан обратно на столик.

– Мне он не понравился, – сказала Татьяна Михайловна. – Мне не нравится, что ты болтаешь с незнакомыми мужчинами.

– Он не незнакомый. Его зовут Альберт. Он тебе понравится, когда ты с ним познакомишься.

Быстрова фыркнула.

– С чего это я буду с ним знакомиться?

– Он красив и молод. К тому же жгучий брюнет. А ты всегда неровно дышала к жгучим брюнетам.

Татьяна Михайловна взяла стакан и посмотрела поверх него на дочь.

– Почему бы тебе не заткнуться, милая? – проговорила она.

Настя пожала плечами:

– Да пожалуйста. Ты сама устроила допрос.

Татьяна Михайловна допила джин и поставила стакан на столик. Потом она откинулась на спинку дивана и простонала:

– Боже... Эти головные боли меня когда-нибудь доконают. Настя, будь добра, принеси из ванной аспирин.

Настя вздохнула и поднялась с кресла.

– Вечно ты меня гоняешь, – пробурчала она, шлепая босыми ступнями по паркетному полу.

В ванной Настя сполоснула лицо, посмотрела на свое отражение в зеркале и процедила сквозь зубы:

– Ненавижу ее.

Настя оглянулась на дверь и достала из кармана крошечный стеклянный флакончик с белым порошком... Когда дело было сделано, девочка запрокинула голову и блаженно прикрыла глаза.

«Она ведет себя отвратительно, – проговорил недовольный голос у нее в голове. – Тебе должно быть за нее стыдно».

Настя нахмурилась.

«Но она моя мать».

«Тем более. Ты должна помочь ей. Если не ты – никто не поможет».

«А если она НЕ ВЫЖИВЕТ? Если она УМРЕТ?»

«Пока будешь колебаться, время уйдет. И тогда ты точно потеряешь ее навсегда».

– Настя! – окликнула мать из гостиной.

Настя вздрогнула.

– Нельзя ли побыстрее?

– Да, мама!

Настя достала из кармана джинсов комочек из свернутой в несколько раз салфетки и развернула его. Три белые таблетки. Совершенно безобидные с виду. Выглядят как заурядный аспирин.

«Настюха, никогда не принимай больше половины таблетки за раз. Снесет крышу напрочь – на место уже не

встанет».

Как же они называются? Какой-то тринитрогидрострихин... Или еще чего похуже. Хотя Глеб, знакомый студент с химфака МГУ, называет их просто и красиво – «таблетки радости».

– Дочь, ты оглохла? – донесся из комнаты капризный голос матери. – Тащи сюда этот чертов аспирин!

– Сейчас!

Настя спрятала «таблетки радости» в кармашек джинсов, схватила с полки аспирин и вышла из ванной.

2

Выйдя из номера, Анна захлопнула дверь и повернулась, чтобы идти к лифту. Вдруг глаза ее широко распахнулись. На углу коридора она увидела высокую, худую фигуру в длинном мокром плаще. Мужчина стоял в профиль, но Анна узнала его. Бледное, изможденное лицо, черные волосы.

– Простите! – окликнула Анна.

Незнакомец вздрогнул и быстро повернул голову.

– Мне нужно с вами поговорить! – сказала Анна и, сжав в пальцах ключ от замка, зашагала к нему.

Взгляд парня стал недовольным, почти сердитым. Он отвернулся и быстро свернул за угол.

Анна дошла до угла коридора и тоже свернула. На лице ее отразилось недоумение. Никакого парня в коридоре не бы-

ло. Впереди маячил белый фартук горничной, катившей по коридору тележку.

– Чертовщина какая-то, – растерянно прошептала Анна. Она хлопнула себя по пустым карманам курточки и горько усмехнулась. «Ни таблеток, ни спиртного. Этот «здоровый образ жизни» доконает меня раньше, чем коктейль из веронала и мартини».

Она повернулась, чтобы идти, и вдруг услышала голоса, звучащие за углом. Анна подошла поближе и прислушалась. Говорили двое. Женский голос, судя по всему, принадлежал горничной, второй – хозяину отеля.

– Я много раз просил не вступать в разговор с клиентами. Неужели это непонятно?

– Я не вступала.

– Осторожнее, милая. Я терпеть не могу, когда мне врут.

– Но я не... – Горничная всхлипнула. – Этого больше не повторится. Честное слово.

– Надеюсь, что это так. Иначе мне придется подвергнуть вас жестокому наказанию. Вы все поняли?

– Да. Я поняла, но...

– Что еще?

– Рувим Иосифович, на вашем месте я бы тоже была осторожнее...

– Что это значит? О чем ты говоришь?

– Я говорю о... некоторых ваших родственниках. И о вашей большой любви к ним. И о том, что вы заплатили мэру,

чтобы он не сносил старый маяк.

– В этом нет ничего странного. Я не хочу лишать своих постояльцев великолепного вида. Без маяка пейзаж станет скучнее.

– Да, но некоторые ваши родственники...

– Еще слово, и я перейду от угроз к действиям, – сухо проговорил хозяин отеля. – А если вы вздумаете распространять сплетни, вышвырну на улицу с «волчьим билетом». Работайте.

Шаги хозяина отеля мягко застучали по ковровой дорожке. Анна отошла с дорожки и прижалась спиной к стене. Вывернув из-за угла, Грач остановился и удивленно взглянул на Анну.

Она улыбнулась:

– Добрый день! Мы с вами уже встречались. В баре, помните?

Хозяин отеля прищурил черные с набрякшими веками глаза.

– Вы та самая девушка, которая не пьет шампанского?

– Та самая, – кивнула Анна.

– Я вас помню. – Грач тоже улыбнулся, но в улыбке его не было ничего приятного. – Хорошо устроились?

– Нормально.

– Я рад.

Грач хотел уже пройти дальше, но Анна заговорила снова:

– А вы, я вижу, строгий хозяин!

Грач замер. Искоса взглянул на Анну одним глазом.

– Не понял.

– Я слышала, как вы разговаривали с горничной.

Рувим Иосифович повернулся к Анне, сунул в рот трубку, но, вспомнив, что она не раскурена, вынул.

– Вы просто не знаете здешний народ, – спокойно сказал он. – С ним иначе нельзя. Дашь хоть малейшую поблажку – сядут на голову.

– А вы правда запретили сносить маяк?

Грач чуть прищурил темные глаза и спокойно ответил:

– Правда. Дед моей почившей жены работал когда-то на маяке смотрителем. Этот маяк – своего рода реликвия.

– Но его все равно рано или поздно снесут.

– Разумеется. Но я бы хотел, чтобы это случилось только после моей смерти. Если я однажды подойду к окну своего кабинета и не увижу его, то очень сильно расстроюсь.

«Надо же, какой сентиментальный, – с удивлением подумала Анна. – А с виду и не скажешь».

– А вы сами не здешний?

Грач покачал головой:

– Нет.

– А откуда?

– Мне бы не хотелось об этом говорить, – проговорил он холодно. Поняв, что слегка перегнул палку, Грач резко сменил тему разговора: – Вы уже обедали в нашем ресторане?

– Нет, но собираюсь, – ответила Анна.

Анна усталилась на руки хозяина отеля, обтянутые бежевой тканью перчаток. Их безукоризненная чистота почему-то была Анне неприятна.

– У нас отличный повар, – отчеканил Рувим Иосифович. – Советую вам заказать пасту с морепродуктами или говядину по-флорентийски. Это его коронные блюда.

– Спасибо. Обязательно закажу.

Грач, явно желая поскорее свернуть разговор, но не зная, как сделать это вежливо, сказал:

– Передайте метрдотелю, чтоб сделал вам пятидесятипроцентную скидку на любое блюдо.

Анна вскинула бровь и холодно поинтересовалась:

– За что такая честь?

Тон Анны чуть смутил Грача.

– Ну... – Он пожал грузными плечами. – Вы же отказались от шампанского. А я не люблю оставаться в долгу. Всего доброго.

Рувим Иосифович вежливо склонил голову, сунул в рот погасшую трубку и удалился – величественный и элегантный.

Анна удивленно посмотрела ему вслед и подумала о том, что так вежливо ее еще никто не «отшивал».

Между хозяином отеля и горничной была любовная связь, в этом нет никаких сомнений. Что, в принципе, неудивительно, учитывая смазливую внешность девушки. Мужчины таких не пропускают.

А, ладно. Не стоит об этом думать. Лучше пойти в бар и выпить бокал мартини.

Анна откинула со лба прядку волос и бодро зашагала к лифту.

3

Подходя к барной стойке, Анна стала свидетельницей забавного происшествия. Официант, тот самый, который отказался утром от бутылки шампанского, о чем-то задумавшись, налетел на одного из постояльцев отеля. Поднос официант удержал, но часть какого-то коктейля выплеснулась гостью на рубашку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.